

Синтия Керк

Леди и лев

2001

Керк С.

Леди и лев / С. Керк — 2001

Дилан Пирс, которого все считали многоопытным обольстителем, поклялся, что ни одной женщине не удастся заманить его в свои сети. Однако неожиданная встреча с прекрасной и гордой Шарлоттой Фэрчайлд раз и навсегда изменила его жизнь – изменила так, как это может сделать лишь НАСТОЯЩАЯ любовь НАСТОЯЩЕГО мужчины. Отныне он готов на все, лишь бы зажечь в сердце возлюбленной пламя ответной страсти.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Синтия Керк

Леди и лев

Глава 1

1895 год

Шарлотта Фэрчайлд закусила губу, чтобы не вскрикнуть. У нее даже не дрогнула рука, когда она наливалась кофе. Тонкие фарфоровые чашки лишь слегка звякнули.

— Весьма сожалею, что не могу угостить вас чаем, но наш прораб-управляющий родом из Константинополя и требует, чтобы все мы пили турецкий кофе. А он такой хороший работник, что не хочется с ним спорить. Поэтому пейте кофе. Вам с корицей или с сахаром, леди Хэйверс?

Миниатюрная женщина, сидящая напротив, покачала головой. Ее лицо под украшенной лентами шляпкой было красным, как свекла.

— А вам, сэр Томас?

— С корицей, пожалуйста.

Леди Хэйверс было непонятно, зачем вообще пить такой горячий кофе. Хотя стоял январь, но в Египте даже зимой было невероятно жарко. Жар пустынного солнца был тяжелым, как в кузнице.

Шарлотта указала рукой на медный поднос, на котором горкой возвышались засахаренные фрукты и финики. На ее предложение откликнулся только сэр Томас, нерешительно взяв один финик. Шарлотта посчитала, что выполнила по отношению к ним свои обязанности хозяйки, и поднялась:

— Прошу вас извинить меня.

Сделав шаг назад, Шарлотта исчезла под тентом. Когда она снова появилась у столика, в руках у нее был огромный револьвер. Она, выпрямившись в струнку, не обращая внимания на гостей, которые в испуге уставились на нее, прицелилась в змею и выстрелила. Огромная кобра, издав злобное шипение, завертелась на песке и тяжело осела на землю.

Шарлотта опустила револьвер.

— Я должна сказать, что это самая наглая кобра, какую я когда-либо видела за все годы пребывания в Египте. Если бы она оказалась немного проворнее, ей бы удалось испортить наш небольшой пир.

Повернувшись к гостям, она заметила, что рука леди Хэйверс застыла в воздухе, а чашка лежит на ее коленях и весь подол ее платья забрызган кофе. Сэр Томас чуть не подавился фиником.

На звук выстрела прибежал прораб, который выскочил из палатки, где проживал обслуживающий персонал. Увидев кобру, он широко раскрыл глаза и остановился как вкопанный.

— Мне кажется, вам следует принести нам что-нибудь покрепче, Ахмед. Бренды, например.

Тот сердито нахмурился:

— Мистеру Фэрчайлду это не понравится. Палить из револьвера среди бела дня, привлекая внимание рабочих! Для европейской леди это непозволительно.

— Спасибо за урок хорошего тона, Ахмед. А теперь, прошу вас, принесите бренди.

Лицо управляющего было наполовину скрыто усами, но было видно, как он недовольно ухмыльнулся.

— Днем пить крепкие напитки? Потому-то эти твари кишмя кишат вокруг лагеря. Такое беспутное поведение навлечет на всех нас проклятие пустыни.

Он удалился, бормоча что-то под нос. Шарлотта обернулась к гостям. Леди Хэйверс, казалось, окаменела от только что пережитого ужаса. Сэр Томас носовым платком вытирал лоб.

– Просто не представляю, как у вас рука не дрогнула, моя дорогая.

– Отец довольно долго обучал меня стрельбе из пистолета. Обычно я оттачиваю свое мастерство только на скорпионах, хотя два года назад мне пришлось столкнуться с довольно мерзкой гиеной. – С этими словами Шарлотта сунула револьвер в широкий карман юбки. Лицо леди Хэйверс все еще было необыкновенно бледным. – А с кобрами и вовсе лучше не встречаться. Мне просто повезло, что я заметила ее отражение вот здесь.

Хэйверсы перевели свои встревоженные взоры на медный кувшин, стоявший на столе.

Шарлотта уселась в походное раскладное кресло. Если ей удастся представить это проишествие обычным делом, какие случаются здесь каждый день, тогда, пожалуй, пожилая чета быстрее придет в себя.

– Полнота, все уже позади. Не стоит из-за этого так расстраиваться. – Она улыбнулась.

Леди Хэйверс постепенно приходила в себя. Трясущейся рукой она дотянулась до опрокинутой чашки.

– В моем воображении кобры и Египет всегда существовали по отдельности.

Шарлотта не выказала никакого удивления. Сэр Томас имел безупречную репутацию египтолога. Но она догадывалась, что его супруга, утонченная и затянутая в корсет, видимо, редко выходила за порог своего номера в шикарном английском отеле Шепарда.

– Вам совершенно не стоит так волноваться, леди Хэйверс. Я уверена, что здесь, в пустыне, мы гораздо в большей безопасности, чем где-нибудь на улицах Лондона. Думаю, вы со мной согласитесь, что это самое красивое место на земле. – Шарлотта бросила взгляд на песчаные холмы, окружающие лагерь. – В Лондоне такой отвратительный воздух, там совершенно нечем дышать. И небо с самого утра затянуто клубами дыма из топящихся каминов и фабричных труб. А здесь воздух сладкий, как мед.

Она потянула носом воздух и постаралась сдержать гримасу, унюхав лишь запах верблюжьего помета.

– Даже египтологи и те не в состоянии всю жизнь провести в пустыне, как бы она ни была уникальна и очаровательна. – Сэр Томас бросил подозрительный взгляд на мертвую кобру, лежащую в двадцати футах от них. – В один прекрасный момент наступает время, когда пора отложить лопату в сторону. Я это знаю по собственному опыту, потому что много лет копался в песке, лишая себя общества леди Хэйверс. И к тому же, работая в пустыне, я не имел возможности профессионального роста.

– И вы всерьез считаете, что можно профессионально расти, запервшись в запасниках Британского музея или в пыльных галереях Коллекции Колвилла? – Шарлотта сделала маленький глоток кофе. – Мне кажется, любая архивная работа не идет ни в какое сравнение с раскопками гробниц пятой династии.

– Ученый должен время от времени возвращаться на родину, если он хочет, чтобы его открытия в далеком Египте были оценены по достоинству. Неизвестному ученому дворянского звания не дадут, миссис Фэрчайлд, даже если он открыл много гробниц.

– Сэр Реджинальд, мой отец наверняка не согласился бы с вами, – возразила Шарлотта спокойно.

Из-за палатки донеслись торопливые шаги. Через мгновение перед ними возник ее муж, запыхавшийся, с винтовкой в руках. С ним был Ахмед, который держал бутылку бренди.

– Шарлотта, ты снова застрелила кобру?

Она указала на распластанные безжизненные змеиные кольца на раскаленном песке.

На обветренном лице Йена отразилось недовольство.

– Я же тебя просил, чтобы ты в таких случаях звала кого-нибудь из мужчин.

Ахмед поддержал его:

– Не годится европейской женщине самой расправляться с кобрами.

– Нет-нет, напротив! Я должен благодарить судьбу, что сегодня рядом с нами была такая отважная европейская женщина, – вмешался сэр Томас. – Иначе моя дорогая жена и я тоже были бы сейчас мертвы, как фивские мумии.

Ахмед, всем своим видом выражая неодобрение, поставил на стол бутылку с бренди и с достоинством удалился.

Йен Фэрчайлд обратился к гостям:

– Сэр Томас, леди Хэйверс. Очень жаль, что меня не было на месте, когда вы приехали. У нас сейчас много работы, мы возводим подпорные стенки в тоннелях.

Несмотря на улыбку, которую Йен постарался изобразить, Шарлотта знала, что муж сердится на нее. Она понимала, что за его гневом прячется лишь забота о ее безопасности, но при этом она почему-то чувствовала себя униженной. Они поженились всего год назад, но знали друг друга уже три года, с того времени, как Йен стал работать с ее отцом. Однако до сих пор он не мог привыкнуть, что она умеет справляться не только с тяготами жизни в пустыне, но и с его мрачным расположением духа.

– Мне в самом деле очень хотелось самому вас встретить. Видите ли, я еще не успел рассказать Шарлотте о вашем предложении.

Шарлотта отвела взгляд от бренди, которое наливалась себе в стакан леди Хэйверс.

– О каком предложении?

Йен нервно провел рукой по темным, покрытым пылью волосам.

– Сэр Томас приехал в Египет, чтобы предложить мне должность хранителя Коллекции Колвила.

Она уставилась на мужчин раскрыв рот.

– Это редкая возможность. Лорда Баррингтона, который прежде занимал эту должность, убили месяц назад при нападении на почтовую карету, в которой он ехал. А джентльмен, которого все прочили ему в преемники, оказался в сетях весьма пагубных привычек.

При этих словах сэр Томас приподнял бровь. Леди Хэйверс наклонилась над столом.

– Опиум, – прошептала она.

– Конечно, Йен с удовольствием продолжил бы работу, начатую вашим отцом в Долине Амона, – произнес сэр Томас. – Все признают, что это знаменитое место. Но даже вы не можете не согласиться, что здесь уже почти все раскопано.

– Чепуха! – Шарлотте показалось, что сэр Томас пытается оскорбить память своего покойного друга. – Здесь, в песках, лежит по крайней мере дюжина неоткрытых гробниц. Одна из них, вероятно, является захоронением принцессы Хатири.

– Принцессы Хатири? – переспросила леди Хэйверс.

– На самом деле ее нельзя назвать настоящей принцессой, хотя некоторые легенды и утверждают обратное, – ответила Шарлотта, не обращая внимания на скептическую усмешку сэра Томаса. – Она была дочерью верховного жреца бога Амона и любимой наложницей Рамсеса Великого. Говорят, что ее убили по приказу ревнивой завистливой царицы. Но Рамсес так сильно любил ее, что воздал ей царские почести. Он похоронил ее тайно и положил в ее гробницу столько сокровищ, что иные фараоны могли лишь позавидовать.

– Чушь! – Сэр Томас указал на глинобитный домик, который много лет назад возвел ее отец. Там в десятках корзин хранились археологические находки, обнаруженные во время раскопок в Долине Амона. – Вон там лежит все, что представляет хоть какую-то ценность. Все, что можно было здесь откопать. Весьма сносная коллекция погребальных принадлежностей. Однако там нет ничего достаточно ценного, чтобы это могло служить оправданием для вашего мужа, если он упустит такое выгодное предложение. Надо признаться себе, что ваши раскопки зашли в тупик. И вам, и Йену пора заняться другим делом.

— Вы ошибаетесь, сэр Томас. Я уверена, что когда мы наконец передадим материалы в Каирский музей, его директор по достоинству оценит нашу «сносную» коллекцию, как вы изволили выразиться.

— Я нахожу, что предложение, поступившее от Колвилла, гораздо более привлекательно, — произнес сэр Томас, хлопнув Йена по плечу. — Эту должность мечтал занять сын графа Морли.

— Вот и чудесно. Сын графа Морли ищет себе работу, так предоставьте ему такую возможность.

— Не говори глупостей, Шарлотта. Этот идиот даже не закончил университет. — Йен не мог отказать себе в удовольствии позлословить.

Она на мгновение задумалась.

— Ну что ж, тогда этот парень — Барнабас Хьюз, кажется. Он специалист по античной истории, достаточно компетентный ученый. И к тому же он работает в Коллекции Колвилла более десяти лет.

— Я думал, ты ненавидишь Хьюза. Действительно, когда Барнабас Хьюз приехал к ним на раскопки в прошлом году, у нее тут же возникла к нему необъяснимая антипатия.

— Так оно и есть. Он грубиян, к тому же с большим самомнением. Но если дело идет к тому, что мы должны покинуть Долину, пусть хранителем Коллекции назначают хоть самого варвара Аттилу. — Шарлотта схватила мужа за руку: — Йен, пожалуйста, я тебя умоляю.

— Йен будет самым молодым хранителем Коллекции за всю ее историю, — произнес сэр Томас, смущенный таким открытым проявлением чувств. — Семейство Колвилл даже согласилось отложить открытие новых египетских галерей еще на год, чтобы дать ему возможность войти в курс дела и устроить все по своему вкусу. Но это предложение — для вас обоих отличный шанс как можно быстрее вернуться в Лондон.

— У меня уже есть несколько набросков, как я бы хотел расположить экспонаты, — сказал Йен. — Я тебе покажу сегодня вечером.

Шарлотта вдруг почувствовала необыкновенную легкость, как будто надышалась гашшим в каирской кофейне.

— Ты говоришь так, как будто уже решил принять это предложение.

— Да, я уже решил. — Ее муж стряхнул пыль с бороды. Она открыла было рот, но ничего не сказала.

— Сейчас это самый лучший выход для вас, миссис Фэрчайлд. Сущее безрассудство оставаться здесь. — Леди Хэйверс подлила себе еще бренди. — Все знают, что Долина Амона проклята. Сначала ваш первый прораб умер чудовищным образом, потом в мир иной отправился ваш бедный отец.

— Я никуда не уеду. — Голос Шарлотты дрожал от гнева и страха. — Когда отец лежал на смертном одре, я дала ему обещание, что доведу до конца его работу. Я просто не представляю, как вам могло взбрести в голову бросить раскопки. Это будет просто преступление, если раскопки в Долине будут прекращены.

Мужчины обменялись взглядами.

Шарлотта дотронулась до амулета, который висел у нее на шее на тонком кожаном шнурке.

— Что вы от меня еще скрываете? Йен вздохнул:

— Директор согласился передать наше разрешение на раскопку другим археологам.

— Вы хотите передать кому-то наше разрешение на раскопки? — Она уставилась на мужа так, будто это был совершенно незнакомый человек.

— Да.

— Кому именно?

Йен отвел глаза, на лице его появилось виноватое выражение.

Сэр Томас нерешительно кашлянул.

– Дилану Пирсу, – ответил он.

– Пирсу! – Шарлотта опустилась на стул как подкошенная. – И у вас поворачивается язык называть его археологом? Это же расхититель гробниц, развратник и пьяница!

– Уверен, что он выпивает не больше, чем любой средний ирландец, – попытался защитить Пирса сэр Томас.

Йен прочистил горло.

– Он родом из Уэльса.

– Можно подумать, что это так важно, ирландец он или валлиец! – Шарлотта не могла поверить своим ушам. – Этот человек настоящий разбойник!

– Он сделал прекрасный перевод арабских стихов, – возразил Йен.

– Я слышала, эти стихи довольно неприличные, – нахмурилась леди Хэйверс. – Сэр Томас не позволил мне прочесть ни одной странички. Тот предостерегающе посмотрел на жену:

– У меня достаточно веские причины считать, что Дилан Пирс сейчас совсем не тот дикарь, каким был когда-то.

– Этот идиот спалил целый квартал шесть месяцев назад. Мы с Йеном как раз в это время были в Каире. Базар и лавки полыхали всю ночь. И все из-за того, что этот Пирс ввязался в отвратительную драку с каким-то танцором.

Леди Хэйверс икнула.

– Просто ужас, до чего могут довести крепкие напитки!

– Я слышал, что сейчас он ограничивает себя в выпивке.

– Плевать на то, сколько он выпивает! – Шарлотта ударила кулаком по столу так, что даже чашки подпрыгнули. – Дилан Пирс грабит раскопки в пустыне, он грабит могилы и храмы. Выбирает дорогие вещицы, не обращая внимания на их ценность для исторической науки, а потом продает тому, кто больше заплатит.

– Если не ставить в один ряд со всеми твоего отца, Шарлотта, именно так до недавнего времени и добывались в Египте все экспонаты, имеющие историческую ценность, – перебил ее Йен. – Тебе не стоит стыдить Пирса за те методы, которыми пользуются все остальные исследователи.

– Он просто охотник за сокровищами, а не учений. И к тому же еще и пьяница. Может, тебе неизвестно, что он динамитом вскрывал гробницу фараона Тутмоса? – Даже сейчас при воспоминании об этом кровь похолодела у нее в жилах. – Подумай о том, сколько руин он оставит за собой, стремясь добыть как можно больше золота!

– Он образованный и компетентный человек. – Йен сел на стул, скрестив руки на груди. – И больше я ничего не желаю слушать по этому поводу.

– К тому же Пирс очень храбр, – добавил сэр Томас. – Здесь, в Африке, все называют его Львом. Говорят, однажды на него напал лев.

Леди Хэйверс снова икнула.

– Говорят, так окрешила его какая-то женщина. Без сомнения, потому, что в постели он просто дикий зверь.

Сэр Томас взял рюмку из рук своей жены.

– Мне кажется, тебе достаточно «кофе» на сегодня, моя дорогая.

– Зато мне не достаточно! – Шарлотта налила в кофейную чашку бренди и залпом выпила. Спиртное обожгло горло, и она чуть не задохнулась. Она чувствовала, что ей необходимо было вытворить нечто из ряда вон выходящее, чтобы справиться с захлестнувшим ее отчаянием.

– Шарлотта, я никогда не видел, чтобы ты выпивала. – Йен хмуро посмотрел на нее. – Это тебе совсем не идет. К тому же на такой жаре это не слишком мудро.

– Если я не мудрая, тогда ты – не добрый. – Шарлотта снова потянулась к бутылке, но муж перехватил ее. – Это отвратительно – принимать решения, которые могут так изменить всю мою жизнь, и не сказать мне об этом ни слова. Как будто я малый ребенок.

– Да ты и ведешь себя как ребенок. И к тому же при гостях. Тебе двадцать пять лет. К этому возрасту пора научиться владеть собой и справляться с беспричинными вспышками раздражения. Вместо того чтобы устраивать истерику, тебе надо благодарить этого Пирса, что он согласился взять на себя все заботы по раскопкам.

– Ты требуешь от меня благодарности за то, что ты вручаешь работу всей жизни моего отца этому пьянице, вору и развратнику?

– Не надо преувеличивать, – со вздохом ответил Йен. – В этом сезоне Пирс хотел начать раскопки в Дэзэль-Бари, но французы оказались там раньше. К счастью, три дня назад сэр Томас случайно встретился с ним в Каире и за обедом уговорил его сегодня приехать в Долину.

– Сейчас приедет Пирс? – Известие о том, что сюда скачет шайка бандитов, чтобы отобрать ее любимое сокровище, потрясло Шарлотту.

Сэр Томас кивнул:

– Он должен приехать еще до полудня.

– Я отказываюсь верить, что вы действительно это сделали!

– Решение принято и не обсуждается! В тебе говорят упрямство и эгоизм. Нам надо все подготовить к отъезду в Англию через две недели. Тебе предстоит большая работа по упаковке вещей.

– Из Египта… мы… никуда… не уедем, – с расстановкой произнесла Шарлотта и так резко вскочила на ноги, что походное кресло опрокинулось.

– Не воображай, что я буду потакать всем твоим капризам. Я не твой отец, Шарлотта.

Она потянулась и выхватила бутылку у него из рук.

– Действительно, ты совсем не похож на отца. Мой отец и его дело не предмет для торговли на базаре, даже если роль продавца играет семейство Колвилл.

Она повернулась и пошла прочь. В спешке она споткнулась о мертвую змею и чуть не упала. Не обращая внимания на крики, летевшие ей вслед, она уходила все дальше в пустыню.

Подумать только! Всего несколько минут назад ей пришлось застрелить обыкновенную кобру. Это была реальная угроза для ее жизни. А сейчас безрассудное решение Йена поставило под угрозу все их будущее. Больше того – ее любовь к нему.

Дилан Пирс ненавидел верблюдов.

Шхуны, потрепанные штормами, и то укачивают меньше, чем эти воняющие прогорклым салом зверюги. К тому же вокруг них все время вьется несметное количество насекомых.

В довершение всех несчастий в этот раз ему пришлось отправиться в путь в одиночку. Переваливающаяся походка его верблюда наводила на мысль, что не зря их называют кораблями пустыни. Еще немного, и изнуряющая качка доведет его до морской болезни. Он безнадежно окидывал взглядом окружающие его песчаные дюны, золотистые под солнцем и безмолвные. Если бы его не мучил последние дни приступ малярии, он бы ни за что не стал связываться с этим мастодонтом, а пошел бы в Долину Амона пешком. Он не сомневался, что к тому времени, когда они со своим отвратительным спутником доберутся до места, его не один раз вывернет наизнанку.

В который раз за утро он с удивлением думал о том, как это его угораздило совершить такую диковинную глупость и взяться за эти раскопки. По всем расчетам никаких настоящих сокровищ в Долине лежать не может. А если что-то и найдется, то придется передать это в Каирский музей.

Нет, Долина Амона – это вотчина ученых, респектабельных, кропотливых и полунищих. Там необходимы люди, обладающие честностью и терпением. Он не был уверен, что отыщет

эти качества в своем характере. Правда, его всегда привлекал этот вид деятельности, и он был уверен, что хочет посвятить ему свою жизнь. Но теперь, когда лучшая часть его натуры перевесила, он уже жалел об этом.

– Пожалуй, я им скажу, что заболел малярией, – произнес он вслух. – И стоит намекнуть им, что я подхватил еще и холеру.

Верблюд пошевелил ушами, откликаясь на звук его голоса.

– К тому времени, когда я туда дотащусь, у меня вид будет как у воскресшего мертвеца. Они только на меня взглянут и снова прогонят в пустыню.

В его словах была всего лишь доля шутки. Он и в самом деле неважно себя чувствовал. Неделю назад он проснулся от очередного приступа лихорадки. Больше ста пяти градусов по Фаренгейту, как сказал ему доктор. И хотя он принимал хинин, приступы малярии иной раз так мучили его, что он чувствовал себя как грешник на сковородке. Прошло всего несколько недель, и он еще не до конца оправился. Слишком сильное солнце иногда вызывало приступы головокружения, и он чуть не сваливался с верблюда.

Уж лучше бы он поехал в круиз по Нилу с мадемузель Евой. Сейчас он бы лежал на палубе в парусиновом кресле, а за бортом журчала бы река. И его возлюбленная обмахивала бы его широким пальмовым листом. Вместо этого ему приходится тащиться на верблюде и молить Бога, чтобы этого одра не укусила ядовитая змея. Просто удивительно, почему респектабельная карьера обязательно должна быть сопряжена с такими ужасными лишениями.

На горизонте появилась какая-то движущаяся точка. Дилан Пирс осадил своего верблюда, и тот нехотя подчинился.

Постепенно мерцающий силуэт стал приобретать очертания. Кто-то, тоже на верблюде, ехал ему навстречу. И это был не мираж. Если только слепящее солнце не играет с ним шутки, то этот всадник – женщина.

Возможно, одна из этих ненормальных туристок. Заблудилась, исследуя развалины в Луксоре.

Раздраженно вздохнув, Дилан поправил козырек от солнца. Мало того что он согласился поехать в Долину Амона, теперь ему еще придется тратить время на то, чтобы препроводить эту обезумевшую дамочку до безопасного места.

Но верблюд приближался, и он смог разглядеть, что женщина вовсе не кажется обезумевшей. Ее лицо, защищенное от солнца широкополой шляпой, имело выражение суровое идержанное, как у статуи Анубис, богини подземного царства. Она осадила своего верблюда.

Небрежным движением поводьев женщина заставила животное встать на колени и спустилась с седла с таким изяществом, будто выходила из кареты на площади Лейнстер.

Раздражение Дилана достигло предела, когда оказалось, что его собственный верблюд не такой говорчий. Наконец он все-таки заставил упрямое животное опуститься на колени, спрыгнул на песок и пошел к женщине, которая поджидала его в отдалении.

– Вы заблудились, мадам? Позвольте мне предложить вам свою помощь.

– Вы очень поможете мне, если вернетесь обратно в Каир! – С этими словами странная женщина сдернула с головы шляпу. И тут Дилан понял, кто перед ним стоит.

Несколько лет назад он был в Долине Амона и разговаривал со знаменитым египтологом сэром Реджинальдом Грейнджером. Тогда ему представили его дочь, молодую девушку с волосами цвета луны. Лунное Сияние – так называли ее рабочие из местных жителей. И вот теперь эти необыкновенные волосы рассыпались по ее плечам как мерцающие нити. Хотя он стоял не очень близко, но даже издалека мог разглядеть, что они отливали не серебром, а скорее были похожи на белое золото. И разительным контрастом была ее загорелая кожа и светло-серые глаза.

– Вы дочь сэра Реджинальда Грейнджера, не так ли? Мы встречались пять лет назад.

Когда ее отец представил их друг другу, она была так занята расчисткой обломка колонны, что едва удостоила его взгляdom.

– Теперь я миссис Фэрчайлд. Шарлотта Фэрчайлд. – Ее голос был низким и хрипловатым – следствие долгого пребывания в сухом воздухе, пустыни.

Шарлотта Фэрчайлд отвязала от пояса сосуд и сделала несколько глотков. Ее губы стали влажными, капли воды стекали по подбородку. Она даже не побеспокоилась вытереть их. Это было совсем не похоже на манеры воспитанной европейской женщины. И эти светлые глаза на обветренном лице... Она казалась и англичанкой, и египетской принцессой.

– Ну а вы, стало быть, Дилан Пирс? Он уловил в ее голосе раздражение.

– Да. – Несмотря на отвратительное состояние, в нем проснулось любопытство. – Вы, кажется, вышли замуж за того самого человека, который взялся продолжить раскопки, начатые вашим отцом.

– Да, я замужем за тем самым человеком, чей участок вы собираетесь незаконно присвоить. – Она попыталась снова привязать флягу к поясу, но ей это не удалось. Издав неопределенный звук, она швырнула ее на землю. – Я только что узнала, что вы – вы, именно вы из всех возможных кандидатов – собираетесь продолжать раскопки. Ну так вот, я собираюсь помешать вам завладеть этим участком.

Молодую женщину, казалось, качало из стороны в сторону, хотя в воздухе не чувствовалось ни ветерка.

– С вами все в порядке, миссис Фэрчайлд?

– О, со мной не все в порядке! Я просто вне себя от ярости. Я готова выцарапать вам глаза! Вы варвар, который грабит храмы, чтобы добыть жалкую горстку сокровищ. – Она тряхнула головой, как будто стряхивая с себя что-то. – Вы бандит и посланник дьявола!

Дилан, в свою очередь, потряс головой. Он-то по крайней мере мог оправдать свое тошнотворное состояние тем, что у него малярия. А эта женщина явно перегрелась на солнце.

Неужели эти тупоголовые англичане не соображают, что пустыня не лучшее место для женщины? Правда, немногие английские леди могут похвастаться волосами цвета белого золота. Еще меньше из них умеют управлять верблюдом. Большинство английских женщин не отличаются особой красотой. У миссис Фэрчайлд поразительная внешность, но нельзя сказать, что она красавица. Она производит впечатление, у нее стройная, даже величественная фигура. Но в ней не чувствуется нежности и мягкости, что и делает женщину женщиной. Дилан проникся состраданием к тому мужчине, который взялся обуздывать эту неистовую натуру. Сам он поостерегся бы связывать свою судьбу с такой женщиной, даже несмотря на ее восхитительные волосы и необыкновенные глаза.

– Мне кажется, вам необходимо присесть и несколько минут передохнуть. У вас скорее всего солнечный удар.

– У меня никогда не бывает солнечных ударов! – Она гордо вздернула подбородок. – Я каждую зиму провожу в пустыне с тех пор, как мне исполнилось тринадцать лет. Только у туристов бывают солнечные удары. В отличие от них я здешняя. И в отличие от вас. Именно поэтому я хочу, чтобы вы убрались отсюда куда-нибудь подальше и не прикасались к моим раскопкам.

– К вашим раскопкам?

– Долина Амона принадлежала моему отцу. Теперь она моя.

– Не думаю, что вы обладаете правом собственности, барышня. Как я недавно слышал, официальным руководителем раскопок является Йен Фэрчайлд.

– Мой муж не археолог. – Она качнулась и чуть не рухнула на землю. – Мой муж – хорек.

Дилан уловил ее дыхание. Он помахал рукой у себя перед носом, отгоняя сильнейший запах алкоголя.

– Неужто вам никогда не говорили, что не следует скакать по пустыне в пьяном виде?

Ее глаза расширились.

– Как вы смеете... что я – Шарлене, Шарлоло, – что мне нельзя глотнуть бренди... я не пьяная... – Она ткнула в него пальцем. – Это вы запойный пьяница. Все говорят, что вы пьяный Лев!

Он тяжело вздохнул:

– Ну и кто же рассказывает обо мне все эти сказки?

– Не отпирайтесь, сэр! Вы – Лев, который грабит. Вы... вы обчищаете храмы так же безжалостно, как древние расхитили гробниц.

– Расхитители, – поправил он ее мягко.

– Значит, вы не отпираетесь! – Она выпрямилась во весь рост. – Так вот, я приехала сюда, чтобы предупредить вас. Никому – даже самому-рассамому Льву! – не будет позволено подрывать динамитом гробницу принцессы Хатири.

Дилан насмешливо поднял руки:

– Успокойтесь, дорогая. Сегодня утром я путешествую без взрывчатки.

– Вы надо мной смеетесь?! – Шарлотта икнула.

– Если бы я чувствовал себя лучше, то, пожалуй, так бы и сделал. – Он попробовал взять ее за руку, но она его оттолкнула. – Послушайте, миссис Фэрчайлд, – Дилан начал терять терпение, – ни вы, ни я не испытываем ни малейшего удовольствия от этой неторопливой беседы под палящим солнцем. Почему бы нам не взобраться на наших верблюдов и не поехать в Долину Амона?

– Это моя Долина! Я ни за что не сдамся вам, сэр, даже если... – Она неожиданно побледнела. – О Боже...

– Что случилось? – Он схватил ее за руки.

– Вы правы. – Ее ноги подкосились. – Кажется, я немного перегрелась...

Дилан опустил ее на песок.

– Я неважно себя чувствую, – пробормотала она. «Это можно сказать про нас обоих», – подумал Дилан.

Но тем не менее он заботливо надел ей на голову свою шляпу. – Посидите и немного отдохните.

Дилан подошел к верблюду Шарлотты и расстегнул седельную сумку. В ней оказалась лишь пустая бутылка из-под бренди.

– Неужели вы выпили целую бутылку, миссис Фэрчайлд?!

Обернувшись, он обнаружил, что она уже лежит на песке, раскинув руки в стороны. Шарлотта снова икнула.

– Солнечный удар – ужасная вещь. Наконец-то она изрекла нечто здравое!

Он огляделся вокруг. Никаких признаков оазиса, только горячий песок, куда ни кинь взгляд. А до Долины Амона еще не меньше часа езды. Что ж, придется привязать ее ремнем к своему седлу. Надо торопиться, пока солнце еще не в зените и не наступила невыносимая жара. Он представил, какой прием окажет ему ее муж, увидев подобное зрелище.

Дилан отвязал свою фляжку с водой и опустился на колени. Вытащив пробку, он плеснул водой ей в лицо.

– Постарайтесь прийти в себя, миссис Фэрчайлд.

– Я не пьяная, мистер Лев. Это от солнца. – Она помолчала, что-то соображая. – И от Йена.

Он приподнял ее голову.

– Меня зовут Дилан, а не Лев. Она кивнула, и глаза ее закрылись.

– Все в порядке, Дилли.

– Дилан!

Она открыла глаза и уставилась на него.

– Не трогайте мои раскопки, Дилли. Пожалуйста! В них вся моя жизнь. Не разграбляйте их. Вы же милый пушистый лев. – Она погладила его по руке. – Отец так хотел, чтобы они сохранились. Я должна продолжить его работу.

– Я очень уважаю вашего отца. Я был однажды на его лекции в Кембридже. Он археолог Божьей милостью.

– Мой отец был величайшим египтологом, когда-либо жившим на свете. – Ее глаза наполнились слезами. – Он хотел, чтобы я вышла замуж за египтолога. А я вместо этого вышла замуж за хорька.

Она разрыдалась.

– Ну, ну, – успокаивал он ее.

К счастью, эти пьяные слезы продолжались недолго. Она прижалась к нему, и он вдруг почувствовал, что ему в ногу уперлось что-то твердое.

– Простите, миссис Фэрчайлд, ради всего святого, что у вас в кармане юбки?

– Револьвер! – фыркнула она.

Быстрым движением Дилан вытащил револьвер из складок ее холщовой юбки. Проверив его, он громко выругался, обнаружив, что револьвер заряжен.

– Дорогуша, вы что, собирались испробовать его на мне?

– Не будьте идиотом! Я ношу его против кобр. – Она снова икнула. – Я бы ни за что не стала стрелять в льва. В самом деле, я… мне нужно было выйти замуж за льва. Лев никогда не уехал бы из Египта.

Львы, хорьки, кобры. У этой женщины в голове целый зоопарк.

Дилан положил револьвер на песок, подальше от пьяной миссис Фэрчайлд.

– Когда вы уезжаете из Египта?

– Через две недели. – Это воспоминание вызвало новый поток слез. – Я зачахну и умру в этой ужасной Англии. – Сильные рыдания сотрясали ее тело. – Все, что мне в жизни дорого, находится здесь. Все!

Он не осмелился напомнить, что ей предстоит вернуться в Англию с мужем. Очевидно, ее брак не был счастливым.

– Вы ведь понимаете, правда? Вы ведь не думаете, что я упрямая или эгоистка?

– Может быть, чуть-чуть. – Дилан улыбнулся. – Но поскольку я сам упрямый эгоист, то не могу обвинять в этом вас.

– Мой отец тоже был упрямым. – Она снова разрыдалась. – Он всю свою жизнь искал место погребения принцессы Хатири. И умер, не успев его найти. А теперь, когда мы подошли к нему так близко, Йен все бросает.

Последовало долгое молчание, которое нарушилось только сопением верблюдов. – Он не имеет права этим распоряжаться!

Дилан посочувствовал Шарлотте и ее мужу. Наверняка Йен Фэрчайлд просто устал от Египта. Такое может случиться в любой точке земного шара, и жене придется следовать за своим мужем, куда бы тот ни решил ехать. Даже если отъезд разобьет чье-то сердце. Глядя в ясные серые глаза, Дилан понимал, что сердце этой женщины обязательно разобьется, если она уедет из Африки. Его, впрочем, тоже, если обстоятельства заставят его покинуть Египет. Сколько раз за свою недолгую жизнь он благодарил Господа, что родился мужчиной и поэтому может сам распоряжаться своей судьбой.

– Не отнимайте у меня Долину Амона. – Шарлотта резко села на песке. – Иначе мне придется второй раз пережить смерть отца.

Он присел рядом, задумавшись.

– Но захочет ли ваш муж остаться? Сэр Томас говорил, что он хочет как можно скорее уехать отсюда.

На ее щеках все еще блестели слезы, и ему следовало выбирать выражения, чтобы не вызвать нового приступа рыданий.

— Я хочу остаться. — Она потерла лоб, как будто у нее болела голова. — Я люблю Египет. Я люблю каждую горстку речного ила, каждую песчинку в пустыне. Я люблю даже змей и москитов. В состоянии ли вы понять это?

Он перевел взгляд на расстилающиеся вокруг пески.

— Впервые я приехал сюда десять лет назад. В течение первых трех недель меня успела укусить мангуста, я попал в пыльную бурю и чуть не погиб в пасти бегемота, который перевернулся нашу лодку. — Он снова посмотрел на нее. — С тех пор я поклялся, что ноги моей здесь больше не будет.

Она улыбнулась. Ему показалось, что это улыбка на устах сфинкса.

— Все в порядке, миссис Фэрчайлд. Ваши слезные жалобы растопили мою суворость. — Дилан усмехнулся. — Впрочем, ни один валлиец не устоял бы против такой атаки.

— Что? — Глаза Шарлотты расширились от радости.

— Я предоставляю вам с Амоном наслаждаться обществом друг друга.

Она бросилась ему на грудь.

— Благодарю вас, мистер Лев, — произнесла Шарлотта, еще раз всхлипнув. — Благодарю!

Он обнял ее и стоял так, не отнимая рук, пока она не успокоилась. Она с благодарностью прильнула к нему, и он почувствовал, что под ее грубой холщовой одеждой скрывается нежная, соблазнительная женщина. Через некоторое время он мягко оттолкнул ее. Ощущение ее прильнувшего тела было слишком волнующим. А кто знает, что ей может взбрести в голову под одновременным действием благодарности и бренди?

Дилан заметил у нее на шее темно-зеленый амулет. Он висел на тонком кожаном ремешке, прячась в ложбинке между грудей, которые были влажными от жары. Ему срочно нужно отвлечься.

— Я никогда не видел такого амулета. — Он наклонился, стараясь рассмотреть получше. — Это ведь лев, да?

— Львица. Богиня Зекмет. — Шарлотта взяла амулет в руку. — Зеленый фаянс, третья династия. Это мой счастливый талисман. Я подарю его вам, мистер Лев. Это как раз то, что вам необходимо.

Он остановил ее, не дав снять амулет с шеи.

— Пожалуйста, оставьте его себе. У меня нет нужды в счастливых талисманах. Я сам кузнец своего счастья, барышня.

— Но он правда очень хорошо действует, — произнесла она, громко икнув.

— То, что сегодня для вас он хорошо поработал, это совершенно точно, миссис Фэрчайлд. — Дилан поднялся на ноги и потянул ее за собой. — Хотя, когда я скажу вашему мужу, что передумал брать ваш участок, боюсь, вам снова потребуется помочь талисмана.

— Я не боюсь Йена. Если ему так хочется, пусть уезжает из Египта. Зато благодаря вам я теперь могу остаться здесь. — Она раскинула руки в стороны. — Мистер Лев, вы вернули мне мою пустыню! Дайте я еще раз вас обниму.

И Шарлотта тяжело рухнула ему на грудь. — Пьяна как сапожник, — пробормотал Дилан.

Однако он тут же понял, что женщина просто потеряла сознание.

Ворча, Дилан поднял Шарлотту на руки.

— Клянусь всеми святыми, никогда бы не подумал, что среди англичанок бывают такие странные молодые леди. — Он потерся щекой о ее щеку. — Только ты, я и наши верблюды, — прошептал он на ухо бесчувственной Шарлотте. — Надеюсь, твой муж понимает, какое ему досталось восхитительное богатство.

А может быть, только Льву суждено знать, как справиться с такой женщиной, как Шарлотта Фэрчайлд?

Глава 2

Эта женщина была прекрасна и чувственна, как Клеопатра.

Дилан наблюдал, как она изящно двигается по палубе, мурлыча что-то себе под нос. На него она смотрела лишь изредка, что только добавляло ей кокетства. Речной бриз ласкал его лицо, а с берега доносились крики феллахов, пригнавших свои стада на водопой. Дилан откинулся в шезлонге, потягивая прохладный отвар гибискуса. Но чего-то все-таки не хватало ему для полноты счастья.

Весельное судно, которое он нанял для круиза, было верхом утонченности. Здесь было все, чего только может пожелать человек, – всевозможные деликатесы, книги, даже викторина. В окружении музыки, Нила и прелестной француженки Дилан должен был бы чувствовать себя довольным, как паша. И он стремился к этому изо всех сил, но не мог избавиться от абсурдного чувства вины перед миссис Фэрчайлд.

С какой стати ему переживать из-за того, что он отдал какой-то англичанке то, о чем она его так отчаянно просила? Даже, можно сказать, умоляла. Но он не мог забыть, с каким бешенством посмотрел на него ее муж, когда он привез бесчувственную Шарлотту Фэрчайлд в Долину Амона. Она так и не пришла в себя, когда он через час уехал от них. Йен Фэрчайлд еще больше разозлился, когда Дилан объявил ему, что решил отказаться от раскопок.

Фэрчайлд очень разозлился из-за его отказа. Именно это и продолжало мучить Дилана спустя целую неделю. Его отказ от участка не означал, что Фэрчайлду негде было найти другого египтолога, которому он мог бы продать свои раскопки. К тому же он мог найти специалиста с гораздо более надежными рекомендациями, чем те, которые были у Дилана.

Молодая жена Фэрчайлда была права: манеры ее мужа были грубыми, можно даже сказать, жестокими. В Нижнем Египте есть немало специалистов, которые заслуживают большего доверия и имеют лучшую квалификацию чем Дилан Пирс. Тогда почему отказ такого мошенника, как он, настолько взбесил Йена Фэрчайлда?

– Надеюсь, он не выплеснет на нее свою злобу, – пробормотал он.

– О чём ты, дорогой? – Его спутница оперлась на поручни и с милой улыбкой устремила на него свой взгляд.

Мадемузель Ева была не только обладательницей обворожительной или профессиональной улыбки, но считалась и неплохой актрисой. Конечно, она играла лишь во французских колониях, но Дилан не сомневался, что и в Париже не много наберется столь искусных актрис. И уж наверняка мало кто может тягаться с Евой в очаровании.

– Я как раз раздумывал над тем, простил ли уже мистер Фэрчайлд свою жену.

Ева изобразила на лице недовольную гримасу.

– Пожалуйста, давай не будем снова говорить об этой англичанке.

Дилан почти не слышал, что говорит Ева.

– Мне следовало бы остаться там до тех пор, пока она не придет в себя. У нее, наверное, было жуткое похмелье. И в таком состоянии ей пришлось объясняться с мужем, который готов был ее задушить. Судя по всему, он не считает, что подвыпившая жена – уморительное зрелище.

– О, англичане очень холодно относятся к своим женам. Так что неудивительно, что эта глупая леди пристрастилась к бутылке.

Дилан допил свой напиток.

– Если верить миссис Фэрчайлд, то она напилась впервые в жизни, была вынуждена это сделать из-за меня и из-за своего мужа.

– Что касается меня, то ради тебя я выпью с удовольствием. – Ева направилась к нему. Ее юбка была похожа на облачко небесно-голубого шифона. – Дорогой...

Дилан протянул руку и посадил ее к себе на колени. Почему у него пусто в душе? Почему даже сейчас он беспокоится о той женщине? В конце концов этот Фэрчайлд возьмет в охапку женушку и вернется в свою Англию. И он больше никогда ее не увидит. А у него впереди две недели плавания вверх по Нилу, и он собирается насладиться этим полностью. Ему составляет компанию прелестная женщина, которая всего лишь требует, чтобы он думал только о ней. И так будет по крайней мере до тех пор, пока она не положит глаз на какого-нибудь очередного красавчика, которого может встретить во время гастролей.

Но даже играя золотисто-каштановыми кудрями роскошной француженки, он не мог забыть волосы цвета белого золота Шарлотты Фэрчайлд. И ее широко раскрытые серые глаза, которые скрывали столько тайн, сколько скрывали глаза сфинкса.

Ева устроила свою головку у него на груди и подчеркнуто вздохнула.

— Мне надо было остаться в лагере еще ненадолго, — произнес Дилан спустя мгновение. — Дождаться по крайней мере, пока миссис Фэрчайлд проснется.

— Хватит об этой пьяной англичанке! — В нежном голоске Евы слышалось раздражение.

— Он был в таком жутком настроении. Может, он даже побил ее после моего отъезда...

Ева оттолкнула его от себя.

— Ну и что из того, если бы и побил?

— Мужчина, который способен ударить женщину, — это не мужчина. Не представляю, как можно до этого опуститься. — Дилан покачал головой. — Хотя она кажется достаточно самоуверенной, чтобы принять вызов свирепого алжирского пирата. И выйти победительницей в схватке.

— О Господи! Можно подумать, что эта англичанка — ваша повелительница! — Хорошенькие глазки Евы превратились в узкие щелочки. — Вам надо было отправиться в круиз по Нилу с ней, а не со мной!

«Может быть, так и надо было сделать», — подумал он. Шарлотта Фэрчайлд не была похожа на других женщин, которые встречались в его жизни. Наверное, она не легла бы с ним в постель с такой же готовностью, как эта мадемузель. Но Дилан догадывался, что каждое мгновение в ее обществе было бы непредсказуемым и восхитительным. Впервые за много лет женщина разбудила в нем интерес, а не просто плотское желание.

— Ева, вы же знаете, я вас обожаю. — Он погладил ее плечи.

Она оттолкнула его и встала:

— Вы играете со мной. И не слишком талантливо. Прежде чем он успел ее остановить, Ева засеменила по палубе, толкнув по пути стюарда, который выронил поднос с фруктами. Дилан услышал, как хлопнула дверь ее каюты. Этот звук разбудил зеленую ящерицу, дремавшую под одним из кресел.

Сначала он хотел было пойти за ней, сказать ей несколько милых лживых утешений. Но вместо этого подошел к поручням и уставился невидящим взором на роскошные берега, мимо которых проплыло их суденышко. Стая фламинго внезапно поднялась из-за борта, распластанные крылья птиц промелькнули всего в нескольких футах от его лица. Но он ничего этого не замечал.

Ничто, казалось, не интересовало его в последнее время. Ни французская актриса, ни ирландское виски, ни даже возможность поохотиться на носорогов в дебрях Абиссинии. Ему исполнился тридцать один год, совсем немного, но он успел почувствовать пресыщение и утомление от жизни.

Но он боялся, что уже перешагнул тот возраст, когда жизнь можно заполнить одной лишь игрой. Он играл с женщинами, играл роль ученого. Но никогда не пытался стать настоящим ученым. Наверное, ему все слишком легко давалось. Способность к языкам у него была от рождения. В Египте обнаружилось его сверхъестественное умение точно определять, где именно

под слоем песка лежит древняя гробница. И конечно, он умел очаровывать даже самых блестящих и порядочных женщин.

Нельзя сказать, что он интересовался исключительно порядочными женщинами. По крайней мере до тех пор, пока ему не встретилась Шарлотта Фэрчайлд. Должно быть, с возрастом в нем что-то изменилось.

Египет и вся археология тоже изрядно изменились. Теперь для всех, кто занимался раскопками, ввели жесткие правила, а в Каире целый штат чиновников следил за тем, как их соблюдают. Сейчас уже нельзя отправиться в пустыню и безнаказанно подорвать динамитом храм, чей возраст насчитывает четыре тысячи лет, только потому, что, возможно, там может быть закопано золото. Да он и не жалеет, что старые методы отмирают. И сам он за прошедшие десять лет разрушил больше, чем надо было бы. Сидящий внутри его ученый сожалел об утрахах. Если уж говорить откровенно, он не хотел бы, чтобы его помнили лишь благодаря томику эротической поэзии, разграбленным раскопкам и множеству скандальных приключений.

Так почему же, когда у него в руках была возможность продолжить знаменитые раскопки покойного сэра Реджинальда Грейнджа, он так легко упустил ее?

— Эта барышня захотела остаться в Египте, — пробормотал Дилан.

Он пытался убедить себя, что именно поэтому он с такой легкостью отказался от Долины Амона. Или он просто ищет причину, чтобы вернуться туда?

Сейчас уже слишком поздно. Все, что ему оставалось, — это надеяться, что Шарлотта Фэрчайлд и в самом деле такая же сильная и бесстрашная, какой кажется. Проклятие! У него и так уже много чего лежит на совести. Не хватало еще казнить себя из-за этой ненормальной англичанки. Но все же он знал, что если из-за его решения относительно тех раскопок с дочерью сэра Реджинальда что-нибудь случится, он никогда себе этого не простит.

Лодка медленно развернулась к югу, и он оглянулся назад. Он чувствовал себя трусом, неопытным мальчишкой, который боится взять на себя ответственность. Будь он взрослым мужчиной, он должен был бы сделать все возможное, чтобы заверить миссис Фэрчайлд, что в его руках участок будет в полной сохранности. Ему надо было разогнать ее страхи и оставаться с ней, пока не стало бы ясно, что ни разъяренный муж, ни жаркое пустынное солнце не причинят ей никакого вреда.

А вместо этого он сейчас плывет по Нилу с женщиной, которая ему всего лишь симпатична. А та, которая тронула его сердце, осталась в пустыне. Дилан был явно недоволен собой. Впрочем, это было его обычное состояние. Если бы только он мог придумать, как придать смысл своей бестолковой жизни!

Может быть, для этого ему не хватает амулета миссис Фэрчайлд?

С тех пор как умер отец, вряд ли у Шарлотты была более плохая неделя из прожитых ею в Египте. Каждый день грозил преподнести им новые бедствия. Вчера загорелась палатка, в которой хранились инструменты, позавчера один из рабочих порезал ногу зазубриной на вскрытой крышке саркофага.

А сегодня среди рабочих начались беспорядки. У входа в недавно откопанную гробницу нашли спящего котенка. Суеверные рабочие посчитали это дурным предзнаменованием. Все это вносило нервозность в жизнь лагеря.

Сидя в палатке, она слушала, как Йен спорит с прорабом:

— Мне наплевать на все ваши идиотские приметы, Ахмед. Это просто-напросто глупый котенок. Они стаями бегают по пустыне. Их и в Каире целые сотни. Сегодня днем мне необходимо проникнуть в гробницу вместе с тремя рабочими. Эта кошка ничего не значит. У нас и раньше на раскопках бывали кошки.

— Но они не лежали у входа в гробницу. — Голос старшего мастера звучал еще более зловеще, чем обычно. — Эта гробница находится под защитой богини Бастет, и мы чуть не

осквернили ее своим нечестивым присутствием. Богиня послала одного из своих подданных прогнать нас прочь. Никто не сможет войти в гробницу, если на ней лежит заклятие богини. – Он помолчал. – В том числе и я, мистер Фэрчайлд.

Готовясь к битве, Шарлотта сосредоточенно завязывала ленты шляпы от солнца. Она не хотела все утро сидеть в душной палатке, хотя еще меньше ее привлекала перспектива столкнуться снаружи с черным юмором Йена.

Когда она наконец вышла, муж бросил в ее сторону разъяренный взгляд, в котором она без труда прочитала запрет. Шарлотта вздохнула. Да, видно, опять ей сегодня предстоит день, полный бесконечных обвинений.

– Я слышала, рабочие расстроены находкой котенка. Оба мужчины не обратили на ее слова внимания, они смотрели на небольшого зверька, вырывающегося из рук Ахмеда.

Йен, хрустнув пальцами, обратился к прорабу:

– Я сыт по горло этой проклятой чепухой. Давайте сюда эту мерзкую кошку.

Ахмед протянул ему пушистое желтое создание, издающее противные мяукающие вопли. Котенок цеплялся когтями за рукав турка.

– Если я утоплю эту тварь на глазах у рабочих, это, надеюсь, их успокоит?

Ахмед издал протестующий возглас. Шарлотта не дала ему даже раскрыть рот, ринувшись в бой.

– Ты в своем уме? Убивать беззащитного маленького котенка? Дай его сюда! – Она схватила котенка и прижала его к груди. – Неужели в тебе не осталось ничего человеческого?

Йен резко повернулся к ней.

– И это я слышу от женщины, которую приволокли домой пьяную в стельку! Тебе повезло, что я не утопил тебя в бадье с водой. Мало найдется мужей, которые позволяют своим женам откалывать такие номера. Шарлотта обратилась к прорабу:

– Скажите рабочим, что дочь сэра Реджинальда готова принять на себя любое проклятие богини, если она пожелает послать его на наши раскопки. А котенку не будет причинено никакого вреда. – Она гневно посмотрела на мужа: – Ты слышал мои слова?

Ахмед пошел прочь, качая головой.

– Твое мрачное настроение выводит рабочих из равновесия гораздо больше, чем дюжина кошек. Последнюю неделю ты словно сошел с ума. Орешь на всех, расшвыриваешь вещи. Не схвати я тебя вчера вечером за руку, ты бы разбил тот прекрасный кувшин. – Она погладила котенка, который в ответ громко замурлыкал. – Ты должен взять себя в руки.

– Ты умеешь прекрасно читать лекции, как держать себя в руках. Накачалась бренди и ускакала в пустыню! Просто удивительно, как ты не рухнула с верблюда и не сломала себе шею.

Она почувствовала, что покраснела.

– Я же объясняла тебе! Я сделала всего один или два глотка. Все случилось оттого, что я не привыкла к крепким напиткам.

– Не оправдывай свое постыдное поведение! – Он ткнул рукой в сторону палатки. – Ты под домашним арестом, Шарлотта! Скройся с моих глаз, не то я потеряю терпение и в конце концов побью тебя.

Губы у него побелели, он был в ярости. За последнюю неделю Шарлотта не видела его в таком состоянии. Йен и в самом деле был взбешен.

– Я по горло сыта твоими угрозами и твоим раздражением! – Шарлотта раскаивалась в своем поведении и терпела всю неделю. Но теперь ее прорвало, и она не могла больше сдерживать себя. – Если ты собираешься продолжать в том же духе, это ни к чему хорошему не приведет. Я не буду тебя останавливать, если ты вздумаешь расколотить канопы¹ хоть об свою голову.

¹ Канопа – в Древнем Египте сосуд для хранения внутренностей умершего.

Йен сердито нахмурился:

– Тебе только и забот, что об этих проклятых раскопках. Ты просто копия своего отца! Тебя ничто не волнует, кроме очередного открытия гробницы или еще одного обворованного саркофага. Тебе следовало бы выйти замуж за мумию, а не за живого человека.

– Мне казалось, что я вышла замуж за археолога. – Неожиданно она поняла абсурдность того, что вообще вышла замуж за этого человека.

– Так оно и есть. В нашей семье всего один археолог. Пора уже наконец это понять. Если я решил, что мои профессиональные интересы требуют моего присутствия в другом месте, значит, мы собираем чемоданы и уезжаем отсюда. И меня не остановят помехи, которые ты создаешь, сужа нос не в свое дело. Как только я найду подходящего кандидата, который возьмется за эти раскопки, мы немедленно отправимся в Англию.

Котенок лизнул Шарлотту в щеку, и она крепче прижалась к себе. Громкое мурлыканье успокаивало ее, помогало не реагировать на злые слова Йена.

– Может, ты передумаешь и не уедешь из Египта, когда мы проникнем в эту последнюю гробницу. Кто знает, что мы там найдем внутри?

– Мы? – Он тряхнул головой. – С этой самой минуты только я один из семьи Фэрчайлд буду проводить исследования. Тебе лучше подыскать себе место в каком-нибудь каирском отеле. Там ты будешь жить до окончания сезона.

– Я понимаю, ты хочешь сделать мне больно. Я огорчила тебя, уговорив мистера Пирса отказаться от прав на раскопки. Но если наше противостояние затянется, мы станем врагами. Разве ты этого не понимаешь? Я хочу сделать лучше для нас обоих. Мне очень жаль, что я нарушила твои планы…

– Ты не нарушила моих планов, Шарлотта, а всего лишь отложила их исполнение. К несчастью, я не могу все бросить – уложить вещи и уехать. Потому что не могу найти археолога, который захотел бы взять на себя ответственность за раскопки, стал бы платить всем этим рабочим, которых я нанял до конца сезона.

– Но ты не оставляешь мне никакого выхода…

– Что ж, ты тоже не оставляешь мне выбора. Как только я найду себе замену, мы уедем из Египта. И больше не вернемся сюда. – Немного помолчав, он добавил: – Никогда.

Шарлотта смотрела, как он твердой походкой удалялся прочь. Неужели она совершила ошибку, бросившись навстречу Дилану Пирсу? Даже не ошибку, а гораздо хуже… Неужели она своим необдуманным шагом разрушила их брак? Йен и раньше сердился на нее, но не так, как сейчас. Он никогда не обходился с ней с такой жестокой, неослабевающей яростью. Будто он никогда и не любил ее. А временами ей казалось, что и она никогда не любила его.

Что-то мягкое коснулось ее щеки. Она рассеянно посмотрела вниз и встретилась взглядом с маленьким котенком. Он смотрел на нее умными глазками янтарного цвета.

– Думаю, он меня теперь ненавидит, киска. Котенок жалобно мяукнул.

Шарлотта решила так не потому, что муж кричал или угрожал ей, а потому, что запретил ей сопровождать его в гробницу. Раньше, до этого случая, она всегда участвовала в раскопках вместе со своим отцом, а потом и с Йеном. Она научилась читать иероглифы, когда ей еще не исполнилось и пятнадцати, и однажды сама откопала мумию царицы, когда они работали недалеко от Нила. Она была таким же хорошим египтологом, как и мужчины-археологи. И вот теперь Йен хочет лишить ее этого. Раньше в такие ответственные моменты она всегда была рядом, а сегодня он уже готов войти в гробницу без нее. Ей было ясно, что ему совершенно наплевать на ее чувства. И это Йен, который всегда говорил, что она приносит ему удачу. – О нет! – Шарлотта уронила котенка, который неодобрительно мяукнул.

Сжав в руке висящий на шее амулет, она побежала за мужем, успев заметить, что Йен стоит у входа в гробницу.

– Йен, подожди! – Растигивая рабочих, она подбежала к нему. – Вот, надень. – Сняв с шеи амулет, она аккуратно надела его ему на шею. – Если ты не хочешь, чтобы я шла туда вместе с тобой, возьми хотя бы мой талисман.

На какое-то мгновение ей показалось, что он сорвет с шеи амулет. Но вместо этого он погладил его рукой. Лицо его было грустным и усталым.

– Будь осторожен, – прошептала она.

Он поднял на нее глаза. Впервые за всю неделю она увидела в них не только гнев и ярость.

– Я тебя люблю, – сказала она.

В это мгновение она верила, что так оно и есть. Он резко притянул ее к себе.

– Я тоже люблю тебя, Шарлотта, несмотря на твоё упрямство и на мой ужасный характер. Но твоё вмешательство расстроило все мои планы. – Его объятие стало еще крепче. – Ты должна понять: в том, что с нами происходит, виноваты мы оба.

Она кивнула. Значит, это было еще не полное примирение, но хорошо, что Йен хотя бы не отталкивает ее.

– Удачи, дорогой!

Спустя мгновение он исчез в сумраке галереи, ведущей в гробницу. Какая-то часть ее существа рвалась последовать за ним в темный переход, но в то же время она хотела, чтобы Йен испытал удовольствие и гордость первооткрывателя.

Она села неподалеку от входа в гробницу, обхватив колени.

Если Йен найдет внутри гробницы что-нибудь ценное – эбонитовую статуэтку Бастет или настенную роспись, сохранившую яркость красок, – тогда он не так сильно будет сердиться, что ему пришлось остаться в Египте.

Может, он даже простит ее когда-нибудь за то, что она отговорила Дилана Пирса взяться за раскопки. Хотя она совершенно не могла вспомнить подробностей их неожиданной встречи в пустыне. Умоляла ли она этого валлийца со слезами на глазах отказаться от участка или была гневной и требовательной? А может быть, даже пыталась его соблазнить? Ничего удивительного, что Йен смотрит на нее теперь так, будто хочет задушить. Но откуда ей было знать, что бренди может действовать на нее так ужасно. До недавнего времени самым крепким напитком, который она пила, был ромовый пунш. Да и пила она его из крошечной рюмочки размешом с наперсток.

Несмотря на гнев Йена и на провалы в памяти, она не жалела о том, что отправилась в пустыню дать отпор Пирсу. Что бы ни произошло тогда между ними, она добилась чего хотела. Долина Амона все еще принадлежит ей, и никакие охотники за сокровищами не смогут подорвать ее динамитом.

Неожиданно из тоннеля до нее донесся грохот.

Ахмед с беспокойством оторвался от своих записей.

– Что это? – Шарлотта отбросила котенка в сторону и вскочила на ноги.

Ахмед, побелевший как полотно, шагнул было в сумрак гробницы. Он выкрикнул что-то по-турецки и выскочил обратно.

Она попыталась рвануться за ним вслед, но прораб обхватил ее своими сильными руками. Еще несколько рабочих выскочили наружу, пронзительно крича и причитая.

Из тоннеля снова послышался грохот.

– Йена завалит там! Помоги ему, Ахмед! Несколько человек сдерживали ее. Теперь из входного отверстия вылетали пыль, камни и грязь.

Шарлотта замерла, широко раскрыв глаза. Вскоре грохот стих. Прохода больше не было, как будто никто не копал здесь много дней, а может быть, и много месяцев.

– Йен! – бессильно прошептала она.

Ее наконец отпустили, и она рухнула на землю. Как сквозь мутную завесу она видела снующих вокруг нее людей, слышала их крики по-арабски. Никто не может остаться в живых под таким завалом. Никто.

Эта мысль пронзила ее как молния, и она, корчась, покатилась по земле. Окружающий шум исчез, его заглушил пронзительный вопль. Она долго не могла осознать, что этот нечеловеческий звук вырвался из ее гортани.

Однако она поняла, что не песок и камни обрушившейся гробницы убили ее мужа. Это сделала она.

Глава 3

Лондон, 1897 год

Так вот, значит, как он выглядит, Дилан Пирс.

Шарлотта подалась вперед в кресле, стараясь разглядеть, какого цвета у него глаза. Хотя с их встречи в пустыне прошло всего два года, имя Дилана Пирса не вызывало в ее воображении никакого образа. В этом, безусловно, она могла винить только себя. Неужели она была так смешна и нелепа, что поехала ему навстречу на верблюде, по дороге прикладываясь к бутылке с бренди? Она покраснела при одном воспоминании об этом. Просто чудо, что она тогда не заблудилась.

Низкий голос Пирса разносился по лекционному залу, как бой огромного колокола. Чем больше она слушала, тем больше склонялась к мысли, что стоит, пожалуй, освежить воспоминание о том грубо-ватом голосе с провинциальным акцентом.

– Может быть, он и перевел эти развратные арабские стихи, но надо признать, что у него самые длинные ресницы, какие я только видела у взрослого мужчины.

За этим нелепым комментарием последовало чье-то писклявое хихиканье.

– Длинные ресницы и широкие плечи – это просто исключительное сочетание. А у него еще и такие чудные каштановые волосы! Мистер Пирс – настоящий красавец.

Шарлотта сердито оглянулась назад, но глаза двух молодых женщин были устремлены на оратора. С каких это пор археолога вызывают такой ажиотаж среди женского населения Лондона? Она никогда о таком не слыхала, а ведь она была дочерью одного из самых известных египтологов современности. Чего же ждать дальше? Наверное, скоро молодые дамы будут падать в обморок при виде географов или писать любовные записки профессорам Кембриджа.

Шарлотте мистер Пирс не казался таким уж необыкновенным красавцем. Черты лица какие-то излишне преувеличены. Слишком большие глаза. Нос, который, пожалуй, можно было бы укоротить; широкий рот; чересчур густые волосы с отливом темно-красного золота, которые скрывают накрахмаленный воротничок. Такую прическу уже давно никто не носит. На кафедре он чувствовал себя скованно, как человек, который ждет не дождется, когда можно будет сбросить этот серый костюм и новые кожаные полуботинки.

Шарлотте, впрочем, совершенно нет дела до его длинных ресниц и кельтского профиля. Мужчины, какие бы это ни были красавцы, больше ее не интересуют. Вздохнув, она поправила свою черную юбку, что вызвало неудовольствие кошки, которая лежала у нее на коленях. Это она настояла, чтобы Йен продолжил раскопки. Йен погиб. Из-за нее погиб. Она до самой своей смерти будет винить себя в этом. И до самой своей смерти останется одинокой.

– Мама говорит, что не пройдет и десяти лет, как ему пожалуют дворянство.

– Не так уж плохо. Дворянское звание, фамильное поместье в Уэльсе. Подумай только, какие бесстыдные стихи он переводит. Можно себе представить, что он будет вытворять со своей женой!

– Неужели ты и правда так думаешь?! Какая бездна греха!

Это было уже невыносимо. Сидя в кресле, Шарлотта резко повернулась, так что кошка, возмущенно мяукнув, свалилась с ее колен на пол.

– Не могли бы вы продолжить свою занимательную беседу за дверью? Некоторые из сидящих в этом зале интересуются царями восемнадцатой династии.

Две молодые девушки только захихикали. Шарлотта наконец разглядела, что обе они разряжены, как будто собирались на прогулку: белые летние блузки, зонтики с оборками и широкополые соломенные шляпы.

Шарлотта не могла сдержать изумления и вытаращила глаза на огромных матерчатых птичек, украшавших шляпку девицы потолще. Стеклянные глазки-бусинки смотрели на нее сквозь желтые перышки.

– Простите нас, мадам, – произнесла толстушка с насмешливой улыбкой.

Зачем она сюда пришла? Она не думала, что это так взволнует ее. Все эти два с половиной года она решительно отказывалась посещать лекции по археологии, запрещала себе даже ходить в египетскую галерею Британского музея. Она постоянно твердила себе, что Египет был причиной смерти Йена. Она наказывала себя за то, что когда-то оказалась в плену своей страсти. Расплатой за смерть Йена должен был стать добровольный отказ от любых воспоминаний и впечатлений, связанных с великолепием этой пронизанной солнцем земли.

Словно чтобы возразить ей, ее любимица снова запрыгнула к ней на колени и стала устраиваться поудобнее, вертаясь и переступая лапками, прежде чем окончательно улечься. Ее длинный полосатый хвост задел Шарлотту по лицу. Видно, у нее все-таки не хватило силы воли отказаться от всего, что связывало ее с Египтом. Пустынная кошечка, которую она вырвала из рук Йена, когда тот уже собирался ее утопить, стала ее самой любимой спутницей. Она была той ниточкой, которая связывала Шарлотту с тем, что она когда-то любила и от чего приказала себе отказаться. Шарлотта могла пожертвовать воспоминаниями о песчаных долинах пустыни и запахе нильского ила, но ни за какие блага на свете не согласилась бы расстаться с Нефер.

Ей удалось снова сосредоточиться на докладе мистера Пирса. Сейчас он говорил о погребальных урнах, найденных в Набеше... Но тут за ее спиной опять послышалось хихиканье.

– Не понимаю, зачем ты уговорила меня пойти на эту лекцию, – прошептала Шарлотта молодой женщине, сидящей рядом с ней. – Сюда надо было послать нашу матушку. Ведь Общество собирается отметить посмертные заслуги ее покойного мужа. Наверное, это все-таки важнее, чем ее собрания по защите прав женщин? Ей не ответили. Она взглянула на свою соседку и увидела, что ее сестра почти заснула.

– Проснись, Кэтрин, не то свалишься со стула.

– А?.. Что? Лекция уже закончилась? – Кэтрин выпрямилась в кресле. Ее шляпка немного съехала набок. – Что, уже начинают чествовать отца?

– Нет, нет еще. Но будет обидно, если ты окажешься совсем в бессознательном состоянии, когда нас попросят выйти на сцену.

– А это было бы смешно, правда? Я хрюлю, а ты маршируешь на сцену в своей чадре.

Шарлотта дотронулась до черной вуали, украшавшей ее шляпку.

– Не понимаю, почему кому-то может не нравиться, что вдова носит траур.

Сестра посмотрела на нее осуждающе.

– Ты ведь не королева, моя милочка, – прошептала она. – Да и королева вряд ли всю оставшуюся жизнь ходила бы в трауре.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой мой гардероб. Кэтрин чихнула три раза подряд.

– Если ты уперлась и хочешь до смертного часа ходить черной вороной, дело твое. Но я требую, чтобы ты перестала таскать с собой повсюду эту ужасную кошку. – Она снова чихнула. – Ты же знаешь, у меня на кошке аллергия.

Шарлотта сгребла Нефер в охапку.

– Кошки в этом не виноваты. – Кивнув в сторону окна, за которым хлестал дождь, она заметила: – Ты всегда чихаешь, когда идет дождь.

Тут Шарлотта почувствовала, что кто-то слегка постучал ее по плечу. Это была пухлая молодая женщина, сидевшая позади нее.

– Извините, но нельзя ли потише? Мы находим, что ваше постоянное бормотание совершенно невыносимо.

Ее приятельница прикрыла усмешку рукой в шелковой перчатке.

Шарлотта снова устремила взгляд на сцену. Она чувствовала, что сегодня не выдержала борьбы с обстоятельствами. Она признала свое поражение и теперь сидит на лекции, посвященной тому самому предмету, о котором она поклялась в своей жизни никогда не вспоминать. И что самое ужасное, докладчик, который с таким знанием дела рассказывает сейчас о фараонах, – это тот самый человек, который, сам того не зная, сыграл роковую роль в гибели ее мужа. Нет, ей не следовало появляться здесь, даже если Общество и решило оказать честь ее покойному отцу. Кэтрин наверняка снова задремлет, а две болтушки в перьях в заднем ряду опять обсуждают внешность Дилана Пирса, в которой теперь находят признаки одновременно страсти и вырождения.

– Понятно, почему Джорджина так настаивала, чтобы мы обязательно пришли на эту лекцию. Из всех новых лиц, появившихся в Лондоне в этом сезоне, он производит самое сильное впечатление.

Шарлотта громко застонала.

– Ты абсолютно права. Любой женщине, у которой в жилах течет кровь, а не вода, придется крепко держать себя в руках, чтобы не броситься ему на шею. Конечно, старым каргам, какие здесь собрались, и в голову не может прийти, что мистер Пирс – настоящий мужчина, даже если не обращать внимания на его привлекательную внешность. – Дама откашлялась, видимо, собираясь изречь нечто важное. – Не понимаю, как их еще терпят мужья.

– У некоторых этих дам такой хмурый вид, что нечего удивляться, если их мужья предпочли загробную жизнь существованию рядом со своими благоверными.

Шарлотта откинула с лица черную вуаль. Нефер подняла к ней умную мордочку. Молодая женщина наклонилась к своей любимице и стала что-то нашептывать ей в пушистое ушко.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась Кэтрин.

– Неужели эти две карги так никогда и не замолкнут? – раздался мелодичный голос позади них. – Еще немного, и я попрошу вывести их из зала. Вместе с их отвратительной блояхастой кошкой.

Резко обернувшись назад, Шарлотта снова оказалась лицом к лицу со сплетничающими кумушками. Она взяла Нефер на руки, так что кошачья мордочка оказалась на одном уровне с ее лицом.

Молодые дамы, в свою очередь, вызывающие посмотрели на нее, демонстративно подняв брови.

– Вы что-то хотите сказать? – спросила одна из них, с треском раскрывая свой веер, украшенный пышными цветами.

Шарлотта указала пальцем на матерчатую птичку, приколотую к шляпке толстушки.

– Убей эту птицу! – произнесла она по-арабски. Глаза дикой пустынной кошки сузились. Она выгнула спину. Затем с грозным рычанием, как лев, ринулась на свою жертву.

От этих дам было шума не меньше, чем от толпы продавцов воды в Каире. Дилан оторвал глаза от своих записок. Кто бы мог подумать, что сухая лекция в лондонском Обществе любителей древностей привлечет так много женщин? Наверное, виной тому экзотическая тема его доклада. Египетские пирамиды, легенды о проклятии мумий и рассказы о золотых сокровищах, спрятанных в песках, – вот о чем хотели узнать эти дамы. Они явно не ожидали, что вместо этого услышат скучное сообщение об особенностях погребальных монументов Набеши.

Обманул он их ожидания или нет, но они могли бы вести себя потише и прислушаться к тому, что он рассказывает. Однако мгновение спустя Дилан уже сам забыл, о чем говорит, потому что в зале он увидел кошку. По крайней мере на первый взгляд это была кошка: краем глаза Дилан успел заметить длинный хвост, появляющийся то здесь, то там среди дамских шляпок в задних рядах.

Он постарался сдержать рычание. Ох уж эти лондонские дамочки со своими зацелованными любимчиками – комнатными спаниелями, раскормленными кошечками и длиннохвостыми попугаями! Они просто свихнулись на своих домашних зверюшках и всюду таскают их с собой. Но приносить кошку на серьезную научную лекцию – это уже верх умопомешательства.

Дилан до боли сжал руками края кафедры и сказал себе, что ему осталось вытерпеть еще пять минут. Потому что ему предстоит вручить медаль Общества вдове сэра Реджинальда Грейнджера. После чего он собирался пулей выскоить за дверь, и слава Богу, если ему по пути не встретится ни одной ненормальной дамочки из этой шумной компании. Ох, как ему хотелось поскорее вернуться в пустыню, где только шакалы и расхитители гробниц могут помешать его работе! Пожалуй, к шакалам и грабителям он сейчас испытывал даже нежные чувства, не то что к этим идиоткам, которые устроили на его лекции форменный базар.

Он украдкой следил за теми, кто был в самом центре переполоха в задних рядах. Самое отвратительное, что одна из этих дамочек была в черном вдовьем платье и траурной вуали. Дилан молил Бога, чтобы зачинщицей беспорядка не оказалась вдова сэра Реджинальда.

– И в заключение я бы хотел снова упомянуть о своих находках. – Он и сам почувствовал, с каким облегчением произнес эту фразу. – В отличие от моего выдающегося коллеги, сэра Рональда Петри, я не уверен, что...

И в этот момент из дальнего конца аудитории донесся душераздирающий крик.

– Что за дьявольщина! – воскликнул Дилан.

В задних рядах вскочила женщина в огромной, украшенной перьями шляпе. Она вопила не своим голосом и пыталась отбиться от какого-то зверя, похожего на льва в миниатюре.

– Уверена, что на эту женщину напал кот, – зашептала миссис Румпельман, сидевшая на сцене позади Дилана.

И действительно, оказалось, что кошка грызет шляпку визжащей дамы. Другая дама не переставая лупила ее веером, в то время как вдова наотмашь била эту даму своей сумочкой. В довершение картины в самой середине этой кутерьмы сидела еще одна молодая женщина, которая непрестанно чихала.

– Таким образом, я завершаю свой доклад о некоторых особенностях погребальных обычаяев, которые были открыты благодаря раскопкам на участке Набеша. – Дилан собрал свои бумаги. – Теперь, если вы не возражаете, пусть кто-нибудь поможет усмирить эту кошку, чтобы она не испортила еще чей-нибудь костюм. Благодарю вас.

Все присутствующие уже вскочили на ноги. Раздавались крики, призывающие, чтобы кто-нибудь спас молодую леди от кровожадной родственницы львов и тигров.

– Все идет хорошо, принимая во внимание... – произнесла миссис Румпельман.

– Принимая во внимание что, мадам?

– Принимая во внимание, что большая часть собравшейся сегодня аудитории даже не принадлежит к членам Общества. – Седовласая матронна похлопала его по плечу. – Уверена, эти дамы вообразили, что вы будете рассказывать о тех самых постыдных поэмах, что вы переводили, мистер Пирс. – Она склонилась к нему ниже. – У меня есть один экземпляр в сумочке, и если бы вы были так любезны, чтобы поставить на ней свой автограф...

Вопль, раздавшийся под сводами зала, избавил его от необходимости отвечать. Неужели эти ненормальные особы настолько опустились, что дошли до кулачного боя?

Быстро спрыгнув со сцены, он бросился в проход между рядами, расталкивая суетящуюся публику. Кто-то должен положить конец этому светопреставлению. Скорее всего эту роль ему придется взять на себя.

– Вот она! Хватайте ее!

Дилан обернулся и заметил, что кошка скрылась за дверью библиотеки, расположенной рядом с главным залом. Чтобы не допустить самосуда над несчастной зверюшкой, он бросился в библиотеку и поспешил захлопнуть за собой дверь.

Небольшое помещение библиотеки от пола до потолка было заставлено книжными шкафами. На возвышении у стены стоял огромный глобус, посередине между шкафами располагался длинный стол красного дерева. Дилан заглянул под один из многочисленных стульев с высокими спинками, стоящих вокруг стола, и заметил пару горящих глаз.

С внешней стороны двери раздавался гул голосов.

– Она здесь! – крикнул Дилан через запертую дверь. Он медленно стал приближаться к столу.

– Ну, иди сюда, я тебе не сделаю ничего плохого, – произнес он успокаивающим тоном. – Если ты не дашь потихоньку вынести себя отсюда, то доставишь большие огорчения одной несчастной dame.

В ответ раздалось жалобное мяуканье.

Дилан уселся на пол, сложив ноги по-турецки. Через несколько мгновений из-под стула показался хвост. Он ждал не шевелясь. Еще минуты через две кошка вышла на открытое место. Она уставилась на него своими золотистыми глазами, мяукнула и уселась на расстоянии нескольких футов от него.

Силы небесные! Ведь эта кошка – прямой потомок древней породы пустынных кошек, которые так высоко ценились при фараонах. Это был довольно крупный экземпляр – слишком крупный для домашней кошки. Шкурка у нее была полосатая, мордочка узкая, а шея стройная и длинная. Та самая порода, которая хорошо знакома археологам по росписям на стенах египетских гробниц. Каким же чудом это экзотическое животное оказалось в затхлом доме на Эустон-сквер? Если бы не украшенный драгоценными камнями ошейник на шее животного, ему и в голову не пришло бы, что это домашняя кошка.

– Иди сюда, моя девочка.

Кошечка в ответ лишь зевнула, а потом широко раскрыла глаза. Какого они изумительного янтарного оттенка! Он склонился в ее сторону.

– Иди-ка сюда, – произнес он по-арабски.

Кошка снова мяукнула, затем медленно преодолела разделявшее их расстояние и потерлась о его ногу.

Дилан почесал ей за ушком и услышал мурлыканье, которое в тихой пустынной комнате напоминало раскат грома.

Эту мирную картину внезапно нарушил бешеный стук в дверь.

– Пустите меня! Я требую, чтобы вы меня сию же секунду впустили! Если вы хоть пальцем тронете мою кошку, я вызову полицию, вас вышвырнут отсюда!

Он посмотрел на кошку.

– Это кто-то из твоих знакомых.

Дверь затрещала, как будто в нее ударили чем-то тяжелым. Дилан встал. Пожалуй, лучше будет открыть дверь, пока ее не разнесли в щепки.

– Перестаньте, пожалуйста. Я сейчас сам открою дверь. Но скорее всего к его словам никто не прислушался, потому что, как только он повернул ключ, дверь со стуком распахнулась.

На пол с размаху упала женщина Ее черное траурное платье при приземлении задралось чуть ли не на голову, так что стала видна нижняя юбка. Женщина какое-то мгновение лежала, тяжело дыша, выставив свои обтянутые черными чулками ноги. Ее черная шляпка с вуалью съехала набок, а прическа растрепалась.

Дилан быстро затворил дверь, потому что снаружи все еще доносились крики женщин. Кошка прыгнула к женщине и стала лизать ее лицо.

– Нефер, ты ранена? – спросила женщина, еле переводя дух.

– Она в полном порядке. Хотя кажется весьма дерзким созданием. Совсем как ее хозяйка.

Дилан шагнул ближе.

– Я предполагал, что вы посетите мою лекцию, миссис Фэрчайлд, но мне и в голову не могло прийти, что это завершится таким потрясающим финалом.

Шарлотта нахмурилась:

– Вот уж не думала, что вы помните меня, мистер Пирс. Ведь мы виделись больше двух лет назад.

– Неужели вы думаете, что я мог забыть женщину, которая выехала мне навстречу в пустыню в полном одиночестве?

«Особенно женщину, которая была в стельку пьяна», – добавил он про себя.

Ее щеки слегка порозовели.

– Боюсь, я мало что могу припомнить из той поездки и нашего разговора. – Я этому не удивляюсь.

Он подал ей руку. Только теперь Шарлотта, кажется, поняла, что она лежит, растянувшись на полу в неуклюжей позе, с задранной выше колен юбкой. Она торопливо одернула подол и попыталась встать. Дилан придержал ее за талию и помог подняться на ноги.

– Благодарю вас, мистер Пирс. – Она глубоко вздохнула и стала приводить в порядок свое платье. – Я должна принести вам свои извинения, что мне пришлось вломиться в дверь. Мне необходимо было убедиться, что с Нефер все в порядке.

– Нефер? Значит, она и в самом деле египтянка?

– Да, это редкая порода североафриканских кошек. Я взяла ее с собой, когда возвращалась из Египта.

Кошка потерлась о юбку хозяйки. Ее янтарные глаза были полуприкрыты от удовольствия.

– Ну, уж я-то ни за что не рискнул бы причинить вред этой обитательнице пустыни, миссис Фэрчайлд. Вы лучше меня должны знать, какие проклятия могут обрушиться на того, кто отважится на такое чудовищное злодеяние.

Дилан, видимо, надеялся своими словами вызвать у нее улыбку, но миссис Фэрчайлд лишь отрешенно посмотрела на него. Ее угрюмый взгляд привел Дилана в замешательство.

Сейчас, более внимательно ее разглядев, Дилан должен был признаться себе, что удивительно, как он узнал ее. Ее волосы уже не были выгоревшими на солнце – их цвет показался ему тогда таким необыкновенным. Теперь они были бледно-золотыми – прелестного, но совсем обычного оттенка. Лицо, когда-то загорелое, сейчас приобрело аристократическую бледность. Ему даже пришло в голову, что, наверное, в последнее время она вообще редко показывается на солнце. Ее черное траурное платье обтягивало хрупкую и тонкую фигуру. Словом, ныне она производила гораздо более слабое впечатление, чем та женщина, с которой он сцепился два года назад в пустыне.

Но больше всего изменилась ее манера поведения. Та Шарлотта Фэрчайлд, которая отговорила его покупать участок ее отца, была страстной, самоуверенной и сильной. Молодая женщина, стоявшая сейчас рядом с ним, казалась униженной и слабой. Без сомнения, она превратилась в обычную женщину, в раздражительную и вечно чем-то недовольную особу.

Однако нельзя забывать, что бедняжка потеряла мужа. И несчастье произошло именно на том самом участке, от которого она тогда уговорила его отказаться. Так что совсем неудивительно, что она так странно себя ведет. Да и какой нормальный человек смог бы без потерь перенести подобный удар судьбы? Дилан должен был признать, что его отношение к жизни тоже сильно изменилось, когда он столкнулся с такой несправедливостью, как страдания невинных людей. Однако сейчас он ничем не мог смягчить горечь утраты этой странной женщины.

Шарлотта пыталась привести в порядок растрепавшиеся волосы, но, видимо, в потасовке, которая случилась в лекционном зале, растеряла все свои шпильки. Со вздохом она уложила волосы в узел и постаралась засунуть их под шляпку.

— Я тогда действовала импульсивно, мистер Пирс. Мне не следовало так накачиваться бренди, не говоря уже о том, чтобы упрашивать вас отказаться от участка.

Ее светлые глаза потемнели. Что ж, глаза по крайней мере остались такими же прекрасными.

— Вы не представляете, как я проклинаю себя за все, что натворила в тот злосчастный день.

— А я, напротив, восхищался вами. Вы просто боролись за то, чего очень хотели.

Выражение ее лица стало суровым.

— К несчастью, это было совсем не то, чего хотел мой муж.

На мгновение она застыла, и он испугался, как бы ей не стало дурно. Неужели прошедшие годы сделали из нее истеричку, склонную к болезненной смене настроений и обморокам?

— Надеюсь, вы позволите выразить вам свои искренние соболезнования по поводу безвременной кончины мистера Фэрчайлда. Когда до меня дошли эти печальные новости, я находился в Верхнем Египте. Я вернулся в Долину Амона, но к тому времени вы уже уехали в Англию.

— Да, я постаралась уехать оттуда как можно быстрее. — Она глубоко вздохнула, и ее лицо еще больше побледнело. — Мне сказали, что потребуется много месяцев, чтобы откопать тело. Я должна была уехать. Мне невыносимо было оставаться там. Ведь это я заставила Йена изменить свои планы. Если бы не я, он был бы жив.

Повисло неловкое молчание, нарушающее только мурлыканье кошки. Выражение лица миссис Фэрчайлд смягчилось. Она взяла кошку на руки и крепко прижала ее к себе. Лицо молодой женщины, обрамленное пушистой шерсткой, преобразилось.

— Я давно хотела поблагодарить вас за соболезнования, которые вы мне прислали тогда. Это было очень любезно с вашей стороны.

— Я считаю, что тоже в какой-то мере виноват в том, что произошло. Если бы там был я, то обратил бы внимание, что крепления стенок недостаточно надежны. Может быть, обвал тоннеля удалось бы предотвратить.

Она резко прервала его:

— Это несчастный случай, и вы ни в чем не виноваты. Я больше не хочу об этом говорить.

«Судя по всему, она уверена, что виновата во всем сама», — подумал он. Поэтому-то она и ходит до сих пор в трауре, и в этом причина ее нездоровой бледности. Эта казнь себя гораздо более жестокая, чем самопожертвование индийских женщин, поднимающихся на погребальный костер вместе со своим усопшим супругом.

— Я рад по крайней мере, что вы не утратили своего интереса к египтологии.

— Что вы имеете в виду? — спросила она резко. — Безусловно, утратила.

— Но ваше присутствие на моей лекции сегодня...

— Уверяю вас, это никак не связано с темой вашего доклада. Мы с сестрой пришли сюда лишь для того, чтобы получить медаль, которой Общество собиралось отметить заслуги моего покойного отца. К сожалению, матушка не смогла присутствовать. Все эти годы я и не помышляла о мумиях и династических гробницах.

Но ее большие серые глаза утверждали обратное.

— Как жаль, что вы отказались от того, чем когда-то с такой страстью занимались.

— Не вижу в этом ничего необычного, мистер Пирс. А сейчас прошу вас извинить меня. Мы с Нефер злоупотребляем вашим вниманием.

Дилан указал на дверь.

— Там все еще неспокойно. Я бы не советовал вам выходить сейчас. Если только вы не хотите посмотреть, как опять во все стороны полетят пух и перья.

Наконец-то на ее лице появилось некое подобие улыбки.

— Это был настоящий скандал, не правда ли?

— Что же вызвало весь этот шум?

Улыбка теперь осветила все ее лицо. Черт возьми, ей следует чаще улыбаться. Глядя на нее сейчас, он представил, как очаровательно она может смеяться.

Теперь она больше похожа на девочку, не хватает только румянца на щеках и более яркого платья. Не может быть, чтобы горе и ощущение вины до конца иссушали ее.

— Одна молодая дама в аудитории имела несчастье надеть шляпку, украшенную тряпичной птичкой, а Нефер так любит охотиться на птиц!

Он усмехнулся:

— Неужели кошка подумала, что она настоящая?

Она рассмеялась. Смех ее был похож на журчание ручья.

— Нефер не такая безмозглая. — С этими словами Шарлотта указала на чучело сокола, стоявшее на каминной полке. — Убей эту птицу! — скомандовала она на чистейшем арабском.

Кошка прыгнула на каминную полку, и ее когти впились в набитое опилками тело птицы. Со злобным рычанием она вонзила свои острые клыки в безжизненные перья.

Дилан рассмеялся, смахнув с глаз выступившие от смеха слезы:

— Разрази меня гром, вам надо было статьдрессировщицей львов в цирке!

Он внимательно посмотрел на нее. Казалось, она была чрезвычайно довольна своей выходкой, совсем как маленькая девочка. Без сомнения, она просто вбила себе в голову, что ей больше пристало изображать безутешную вдову. Но на самом деле под черным траурным платьем скрывалась трепетная женщина.

— Понимаю, как ужасно то, что я сделала. Но эта молодая дама не дала мне услышать из вашей лекции и двух слов.

— И тогда вы натравили на нее кошку, чтобы обеспечить лекции достойный финал.

— Я искренне сожалею об этом. Правда, мне все же удалось расслышать в вашем докладе несколько неточностей, так что, пожалуй, это и к лучшему.

— Что?

Шарлотта кашлянула.

— Я не согласна с вашей интерпретацией находок изделий из полевого шпата. Вы, должно быть, читали последнюю монографию сэра Лайонелла Кола, посвященную его раскопкам в Фивах. Вы можете положиться на мою осведомленность в этом вопросе. Скарабеи и амулеты довольно долго были сферой моих интересов.

Он подошел к ней ближе. На него пахнуло приятным весенним ароматом. Жасмин, определил он.

— Для человека, который совершенно не интересуется египтологией, вы, кажется, слишком хорошо осведомлены о последних теориях.

Она не отступила от него, хотя теперь он стоял к ней так близко, что ее волосы шевелились от его дыхания.

— Хотя я больше не занимаюсь этим вплотную, но не забыла того, что знала раньше.

— Что очень знаменательно.

— Да. — Она наконец отступила назад. — А сейчас мне и в самом деле надо идти.

Ему не хотелось, чтобы она уходила. Внезапно он подумал, что она самая пленительная женщина во всем Лондоне.

— Но за этой дверью все еще находятся разгневанные фурии, которые жаждут вашей крови. Цивилизованному жителю Лондона и в голову не может прийти, что вы просто дрессировали вашу кошку нападать по команде.

— Увы, Лондон ничего не знает ни о моей кошке, ни обо мне.

Нет, он определенно не хочет, чтобы эта необыкновенная женщина лишила его своего общества. Но он уже и так неприлично долго остается с ней взаперти в библиотеке.

Еще немного, и пойдут сплетни.

Он взглянул на Нефер, которая на полу продолжала терзать птицу.

— Я предлагаю вам оставаться здесь до тех пор, пока у толпы не иссякнет жажды крови и все не разойдутся. — Он взглянул на свои карманные часы. — Держу пари, что это произойдет не раньше чем через полчаса.

— Как раз в файф-о-клок? Дилан рассмеялся:

— Да, в самом деле. А мы оба знаем, что англичане никогда не откажутся от своего чая и овсянки по утрам.

— Я и сама не собираюсь их пропускать. — Шарлотта оглядела библиотеку. — Здесь есть еще одна дверь. Уверена, она выходит прямо на улицу. Моя сестра достаточно сообразительна, чтобы самой выбраться отсюда. Так что у меня нет никаких причин оставаться здесь дольше. Благодарю вас за весьма интересную лекцию.

— Вы позволите мне навестить вас на этой неделе? — Слова вырвались у него прежде, чем он осознал, что говорит.

Она посмотрела на него озадаченно.

— Конечно, нет. Я же говорила вам, что больше не интересуюсь археологией. Я веду сейчас довольно уединенную жизнь и не поддерживаю светских знакомств. Всего хорошего, мистер Пирс.

С этими словами Шарлотта направилась к боковой двери, а кошка трусцой последовала за ней.

— Подождите, вам необходимо задержаться еще ненадолго. Вы не можете уйти, не получив медали вашего отца.

Она остановилась.

— Да, я совсем забыла об этом.

— Подождите меня здесь. Я сейчас заберу ее у миссис Румпельман. Вам придется задержаться всего на несколько минут. Ради вашего отца.

Шарлотта подняла на руки кошку, которая тут же громко замурлыкала.

— Что ж, я подожду.

Дилан колебался, стоит ли верить ей. Вполне возможно, что она так же непредсказуема, как и ее египетская кошка.

Он подошел к запертой двери. Шум, кажется, затих, хотя он еще слышал чей-то визгливый голос, причитающий по поводу оцарапанной щеки.

— Я вернусь очень быстро, миссис Фэрчайлд.

В этот момент дождевые тучи за окном рассеялись, бледный луч солнца проник в широкое окно библиотеки. На короткое мгновение он осветил волосы Шарлотты, и они снова превратились в серебряный огонь, который запечатлелся в памяти Дилана. В черном с ног до головы, она стояла выпрямившись, тонкая и стройная, поглаживая кошку по лоснящейся шкурке. Умное животное повернуло к Дилану мордочку и устремило на него неподвижный взгляд своих янтарных глаз. Ему показалось, что на него смотрит ожившее древнее изваяние таинственной богини. Быть может, даже опасной.

— Я мигом вернусь. Она кивнула.

К несчастью, он целых десять минут пытался отыскать миссис Румпельман в толпе. И еще пять минут потребовалось ей, чтобы отыскать, куда запропастилась медаль.

— Кто-нибудь видел мою сестру, миссис Фэрчайлд? — громко произнес кто-то рядом с ним.

Он не разглядел, кому принадлежит голос, и поспешил к библиотеке. Щелкнув ключом в замке, он проскользнул внутрь, чувствуя себя вором, который только что провернул удачное дельце.

— Вот и я, миссис Фэрчайлд. Я принес медаль, как и обещал, хотя должен извиниться, что это заняло так много...

В комнате никого не было.

– Ну что ж. Теперь, боюсь, вам не удастся избежать моего визита, барышня! – в сердцах произнес он. Его голос громко прозвучал в опустевшей библиотеке.

Дилан Пирс был не из тех мужчин, которые позволяют кому-то выскользнуть у него из рук.

Особенно если это женщина – непредсказуемая и загадочная. Такая, как Шарлотта Фэрчайлд.

Глава 4

Сверху раздался такой громкий звук французского рожка, что задребезжали оконные стекла.

Шарлотта выглянула из ванной. Хотя было всего только девять часов, ее брат Майкл уже начал свой утренний урок музыки. Потом за ним непрерывной чередой последуют различные игры, в том числе война с индейцами и битва подушками. Вся эта физическая активность будет происходить на первом этаже, рядом с общей гостиной, где Кэтрин печатала на своей новенькой печатной машинке. Ее сестре взбрело в голову стать внештатным корреспондентом «Газеты свободных женщин», и теперь целыми днями в доме раздается стук ее пишущей машинки.

Еще один душераздирающий звук донесся сверху, и Шарлотта съежилась. Интересно, есть на свете более шумная семейство? Даже слуги в их доме с каким-то ожесточением гремят столовыми приборами и хлопают дверями. Слава Богу, что она не занимается научными исследованиями, потому что только святой мог бы сосредоточиться в том бедламе, который царил в их особняке на Белгрейв-сквер.

Кошка не могла усидеть на месте в продолжение всего урока музыки. Прижав ушки к голове, Нефер запрыгнула на подоконник и спряталась за флаконами из-под духов и горшками с цветами. Шарлотта вздохнула. Честно говоря, она считала, что ее брат занимается музыкой ничем не хуже любого другого двенадцатилетнего подростка, чье сердце целиком и полностью отдано крикету. Правда, она не могла понять, что же он сейчас пытается сыграть на французском рожке – гимн Британии или «Зеленые рукава».

Она погрузилась в теплую пенистую воду, с улыбкой вспоминая, как вчера Нефер разделялась со шляпкой той дамы. Конечно, ей не следовало потворствовать этому. Нужно помнить, что она уже давно не беззаботная девочка, у которой вся жизнь впереди. Но, даже не переставая носить траур, Шарлотта иногда ловила себя на том, что хочет выйти из скорбной роли вдовы.

— Я никогда не должна об этом забывать, — громко произнесла она. — Потому что я никогда не должна забывать своего мужа.

Привычное уныние овладело ею, и она почувствовала умиротворение. Вот такой она и должна быть: скорбной и безутешной. Ей совершенно ни к чему было идти на эту лекцию. Мало того что она касалась египтологии, но ее к тому же читал тот самый человек. Именно ему одному судьбой было предназначено остаться в тоннеле, когда там не выдержал крепеж. Так оно и было, если бы не ее вмешательство.

Конечно, это было ужасно — так думать. Мистер Пирс еще меньше, чем Йен, заслуживал быть заживо похороненным в гробнице. Даже если он когда-то и в самом деле подорвал динамитом усыпальницу фараона Тутмоса.

Почему же тогда она чувствует себя обманщицей? Неужели она в самом деле готова предать забвению свою скорбь после двух лет и семи месяцев вдовства? Если это так, значит, она еще более безнравственна, чем подозревала. Просто упрямая, самовлюбленная, легкомысленная дурочка, ничем не лучше тех двух кумушек на вчерашней лекции. И, натравив на них Нефер, она только испортила всю церемонию, посвященную памяти ее отца.

Больше всего ее огорчало, что она получила ни с чем не сравнимое удовольствие от того небольшого отрывка доклада, который ей все-таки удалось услышать. Какое невыразимое наслаждение она испытала, когда Пирс перечислял имена фараонов восемнадцатой династии! Его описания скарабеев заставляли ее сердце биться от возбуждения. Для нее перечисление амулетов и мумий было таким же соблазнительным и ласкающим слух, как сонеты Петrarки. На лекции мистера Пирса она как будто открывала сундучок с сокровищами и разглядывала

его великолепное содержимое. Это было то богатство, которым она когда-то владела и которого больше не заслуживает.

И совсем уж не следовало ей разговаривать с человеком, который читал лекцию. К своему стыду, она получила удовольствие от их беседы в библиотеке. Ей сейчас редко случалось видеть молодых мужчин. Кроме воспитателей и инструкторов Майкла и духовных лиц, которые руководили ее благотворительным фондом, ее окружение состояло в основном из женщин. Но Дилан Пирс был настоящим мужчиной. С его лица еще не сошел загар Египта. Этот мужественный и уверенный в успехе человек странно смотрелся в мрачном дождливом Лондоне – совсем как Игла Клеопатры – обелиск на набережной Королевы Виктории.

Шарлотта сжала в кулаке пахнущую жасмином мочалку, поливая ароматной пеной свои обнаженные руки. У него хорошие глаза, они ей понравились. Правда, она не смогла бы с уверенностью сказать, какого они цвета, голубые или карие, но это были веселые глаза. Трепетные и все время меняющиеся – как и вообще этот человек.

– Отцу бы он понравился, – пробормотала она.

Сэр Реджинальд наверняка бы одобрил его методику раскопок. Судя по доходящим до нее сведениям, за два прошедших года Пирс стал респектабельным археологом. Теперь о нем отзывались как о кропотливом, рассудительном ученом, который с таким же рвением защищает историческую ценность древних памятников, с каким раньше разрушал их ради своего обогащения. Конечно, ей было приятно, что он так переменился. Египет устал от расхитителей гробниц и охотников за сокровищами. Интересно, что же именно заставило его так разительно перемениться?

Дверь ванной комнаты со стуком отворилась. Нефер от неожиданности спрыгнула с подоконника, перевернув цветочный горшок. Оказалось, что кошку испугала веснушчатая девушка.

– Простите, мэм, но леди Маргарет просит вас спуститься вниз, – произнесла служанка запыхавшись. – И вам надо поторопиться.

– Что-то случилось, Лори? – Шарлотта вышла из ванны и позволила служанке накинуть на нее купальную простыню. – Что, бабуля опять приковала себя к номеру десять на Даунинг-стрит?

– Нет, мэм. – Девушка досуха вытерла ее плечи небольшим полотенцем. – Гораздо интереснее – к вам посетитель, молодой мужчина, мистер Пирс.

Шарлотту как будто окатили холодной водой. – Кто??!

– Мистер Пирс, такой высоченный рыжий парень. Выговор у него как у валлийца, это точно. Он сейчас внизу, в передней гостиной. Кажется, он тоже откапывает мумии, совсем как ваш покойный батюшка. Леди Маргарет и ваша сестрица ужасно обрадовались, когда его увидели, несмотря на то что он заявился в такую рань. – Лори вытащила из шкафа кашемировый халат. – Не сказать, что я их осуждаю. Уж больше двух лет прошло, как мистер Фэрчайлд умер, и пора бы молодым джентльменам снова начать вокруг вас крутиться, если вы хотите знать мое мнение.

– Более неуместное рассуждение трудно придумать. Служанка подтолкнула Шарлотту к спальню.

– Я только повторяю то, что все вокруг твердят. Даже мастер Майкл.

– Мастер Майкл еще не вырос из коротких штанишек. У него не может быть никаких мнений, к которым стоит прислушиваться, еще по крайней мере лет пять. Послушай, Лори... Ты сейчас спустишься вниз и скажешь матушке, что я не могу сегодня принимать посетителей. – Она присела на кровать. – Скажи ей, что у меня раскалывается голова. В самом деле, я только что почувствовала, что у меня страшно болит голова.

Лори взялась за дверную ручку.

— Простите, мэм, но леди Маргарет сказала, что, если вы не спуститесь через десять минут, она пошлет за вами Рэнделла, чтобы тот привел вас силой.

— Она не посмеет!

Рэнделл был дворецким. В нем было примерно семь футов росту; это был молчаливый, отличающийся невиданной силой, но добрейший член их семейства, до глубины души преданный ее матери. Если Маргарет Грейндже прикажет ему переплыть Ла-Манш, он не задумываясь бросится в воду со скал в Дувре.

— И вы не сомневайтесь, она так и сделает. Она ждет не дождется, когда вы наконец перестанете прятаться от людей. А сейчас этот молодой человек пришел выразить вам свое почтение, и она ни перед чем не остановится и заставит вас спуститься вниз.

Шарлотта затянула кушак халата, обдумывая сложившееся положение. Если она совсем откажется спуститься вниз, это может показаться странным, как будто она боится встретиться с Диланом Пирсом. Без сомнения, она и не думает его бояться. Вчера вечером она уже разговаривала с ним наедине.

«И тебе это очень понравилось», — укорила она себя. Она испытала от этого разговора гораздо больше удовольствия, чем положено вдове. Конечно, ей было интересно побеседовать со специалистом-египтологом. Это естественно. Больше двух лет она не позволяла себе этого.

Вышколенная горничная уже вытащила из ящика комода чулки, нижние юбки пенились в ее проворных руках.

— Я слышу, Рэнделл уже шаркает по лестнице. Если вы не поспешите одеться, этот верзила снесет вас в гостиную в одном белье.

— Что же делать, придется одеваться. — Шарлотта поднялась с кровати и развязала поясок халата. — Я надену свое черное шелковое платье.

Лори нахмурилась:

— Почему вы не хотите надеть что-нибудь повеселее? На прошлой неделе я выгладила ваше узорчатое лиловое платье.

— Черное шелковое, пожалуйста.

— А еще есть платье цвета чайной розы. Оно будет очень вам к лицу, мэм.

Шарлотта покачала головой:

— Я не имею права носить ничего, кроме черного. Вспомни ее величество королеву.

— Но вы-то не королева, — пробормотала девушка. Да, она действительно не королева Виктория, но она тоже вдова. И если ее величество носит траур все сорок лет вдовства, значит, Шарлотта тоже должна. К тому же королева не виновата в смерти принца Альберта. Шарлотта не должна обманывать себя и забывать, что она своими руками подтолкнула мужа к гибели. И никто не сможет заставить ее забыть это.

Дилан пытался вспомнить, когда он чувствовал себя настолько не в своей тарелке, как сейчас. Пожалуй, это было четыре года назад, когда на него напали уличные воришки в Порт-Сайде. Поэтому он испытал настоящую благодарность к Шарлотте Фэрчайлд, когда она наконец соблаговолила спуститься. Он был бы рад, если бы его визит прошел незамеченным матерью и сестрой Шарлотты, потому что любопытные женщины устроили ему допрос почище инспекторов Скотланд-Ярда.

Не успел он выпить и одной чашки чая, как леди Маргарет выудила у него все подробности его семейной истории и родословной. Он уже рассказал ей, какое у него образование, а также поделился своим мнением по вопросу всеобщего избирательного права. А когда леди Маргарет на минутку замолкла, чтобы перевести дух, ее младшая дочь Кэтрин взялась критиковать опасные заблуждения по поводу представительства в палате лордов. Ни та ни другая не обратили особенного внимания на медаль Общества любителей древностей, ради которой он, собственно, и пришел.

Их пулеметные расспросы продолжалась, но Дилан все же умудрялся украдкой бросать взгляды на Шарлотту. И должен был признаться самому себе, что ему доставляло удовольствие смотреть на нее.

Этим утром она выглядела не такой изнуренной и хрупкой, как вчера. Ее щеки даже покрывал легкий румянец. И хотя в просторной гостиной он сидел от нее довольно далеко, до него все же долетал хмельной запах жасмина. Этот пьянящий аромат совершенно не вязался с ее черным платьем – ничто, ни украшение, ни кружевная отделка, не скрашивало мрачности ее наряда. Его придирчивый взгляд, однако, заметил сбившийся локон и влажные завитки волос на затылке. Может быть, перед тем как спуститься, она принимала ванну? Он представил себе Шарлотту обнаженной, лежащей в ароматной ванне с благоухающей жасмином пеной… Это видение заставило его смущенно усмехнуться.

– Так почему же вы до сих пор не женаты, мистер Пирс? – спрашивала между тем леди Маргарет.

Дилан чуть не подавился тартинкой с крыжовенным джемом.

– Простите?

– Матушка, ну что вы, в самом деле! – Шарлотта бросила на главу семейства неодобрительный взгляд. – Из всех возможных вопросов вы выбрали самый неуместный.

Леди Маргарет не обратила на нее ни малейшего внимания.

– Этот вопрос всегда задают женщины, которым давно перевалило за двадцать. Почему нашего гостя надо ограждать от любопытства такой пожилой дамы, как я?

– Вовсе не пожилой, – вставил Дилан, надеясь увести разговор в другое, более безопасное русло.

В самом деле, несмотря на седые волосы и немного расплывшуюся фигуру, леди Маргарет была довольно привлекательной женщиной. Наверное, ей еще нет и пятидесяти. Правда, он отметил про себя, что она выглядела бы гораздо привлекательнее, если бы не нарядилась в пышные шаровары цвета морской волны. Пожалуй, в молодости она была такая же, как ее младшая дочь, Кэтрин: такая же пышущая здоровьем брюнетка с большими выразительными карими глазами. Он недоумевал, в кого у Шарлотты Фэрчайлд ее поразительного оттенка волосы.

– Оставьте ваши комплименты для дам, которые на них реагируют. Я уже вышла из этого возраста. – Леди Маргарет одарила его милой улыбкой. – Думаю, дурная слава, которую вы заработали благодаря своим переводам стихов, обеспечила вам в Лондоне толпы поклонниц. И каждая из них жаждет стать миссис Пирс.

– Какие там толпы! Может быть, их всего дюжина или две. – Он подмигнул ей. – И сомневаюсь, что они мечтают именно о свадьбе.

Дилан рассмеялся, а вместе с ним и леди Маргарет. Шарлотта даже не улыбнулась. Интересно, она оскорблена этой двусмысленностью или просто ей скучно?

– Я сейчас пишу статью о браке для «Газетт», – заявила Кэтрин. – Это важный шаг как для женщины, так и для мужчины. Но после свадьбы все меняется. Мужчины несут бремени бесконечного чадорождения. – Она вздохнула. – Равнодушные грубые животные.

Может быть, как раз сейчас надо предложить Грейндженерам попробовать их собственную горькую пилию.

– Но, мисс Грейндженер, а как же удовольствие?

– Удовольствие?

– От воспроизведения потомства. Кэтрин слегка порозовела.

– Да, надо признать, что с процессом чадорождения связано некоторое физическое наслаждение.

– Да, безусловно. – Ее мать послала ему еще одну улыбку. – Безусловно, мистер Пирс большой авторитет в этом вопросе.

Он снова чуть не подавился тартинкой. – Я?

– Я читала ваши переводы «Песен раджи». Какая разнужданная безнравственность! Я держу ее под замком, чтобы она не попалась на глаза Майклу.

– Я не знала, что у нас есть эта книга. – Голос Кэтрин звучал обиженно.

– Я дам тебе почитать лишь перед твоей первой брачной ночью, дорогая, да и то если ты когда-нибудь соберешься выйти замуж. – Леди Маргарет покачала головой. – В этих вещах с арабами никто не сравнится. Эти удивительные позиции...

– Мама... – оборвала ее Шарлотта.

– Мне это нужно не для того, чтобы подготовиться к замужеству, – сказала Кэтрин.

Ее мать пожала плечами:

– То же самое всегда говорила Шарлотта. И я ей верила, пока в один прекрасный день не получила от нее телеграмму из Египта, которую она уже подписала как миссис Фэрчайлд. – Она вздохнула. – У меня даже не было времени сделать оглашение в церкви. Они обвенчались в Каире в конце полевого сезона. Какое-то стремительное ухаживание. Не сватовство, а пустынный смерч.

Дилан перевел взгляд на Шарлотту. Та уставилась в потолок и была явно смущена. Он не мог представить себе Шарлотту Фэрчайлд, потерявшую голову от любви или от страсти. Знают ли невинные девушки разницу между этими понятиями? Он почувствовал внезапный приступ ревности к молодому египтологу, который был ее первым возлюбленным, который познакомил ее со страстью. В любви Шарлотта, наверное, похожа на стремительный и горячий пустынный ураган.

– Ну, так почему же вы никогда не были женаты, мистер Пирс? – Леди Маргарет невозмутимо сбить с толку.

– Женитьба всегда казалась мне делом вкуса, вроде овсянки или оливок. А я терпеть не могу ни оливки, ни овсянку. – Он улыбнулся, чтобы немного смягчить колкость своих слов. – Так что, надеюсь, мне удастся до конца моих дней избегать ответственности.

– Я много слышала о ваших приключениях в Египте, мистер Пирс. Просто удивительно, что египетские власти вас не арестовали.

– Мама, мистер Пирс – наш гость, – заметила Шарлотта.

– Что ты имеешь в виду? Должна признаться, что мне понравились его стихи. А рассказы о его пикантных приключениях могут тоже составить целую книгу. Меня они занимали долгое время. Особенно слухи относительно его романтической эскапады на вершину Великой пирамиды. – Она наклонилась вперед и шутливо шлепнула его по колену. – Я провела большую часть своей жизни, отстаивая право на подобные вещи, мистер Пирс, поэтому, пожалуйста, извините меня за то, что я получаю удовольствие от всех этих сплетен.

Он усмехнулся, выслушав эту тираду.

– Ваше право получать удовольствие тем способом, который для вас наиболее удобен, леди Маргарет. Для вас это – сплетни, для меня – ирландское виски.

– Мне кажется, что сомнительная репутация мистера Пирса, не слишком подходящая тема для вежливой светской беседы.

Он был поражен, услышав в голосе Шарлотты насмешку.

– Миссис Фэрчайлд, смею вас уверить, что некоторые «подвиги», которые мне приписывают, весьма преувеличены.

Она посмотрела на него взглядом прокурора.

– Что ж, разве неправда, что вы подорвали динамитом гробницу Тутмоса?

Он возблагодарил Бога, что она не вспомнила какой-нибудь более непристойный эпизод.

– Я не единственный археолог, который пользовался такими варварскими методами.

– Да, к несчастью, это так. Но это вряд ли извиняет умышленное разрушение памятников культуры. – Она откинулась в кресле, скрестив руки на груди.

– Шарлотта так же серьезно относится к египтологии, как мы с матушкой – к политике, – пояснила Кэтрин.

– Я это заметил. – Вглядываясь в загадочную молодую вдову, Дилан ломал себе голову, что же все-таки заставило его нанести ей визит. Не похоже, чтобы она проявляла по отношению к нему какой-то интерес. Кроме того, он опасался, что его прошлая приверженность к динамиту как методу археологических исследований всегда будет маячить между ними. И все же он находил ее привлекательной.

– Единственное, что Шарлотту когда-либо интересовало, – это археология, – добавила леди Маргарет. – Совсем как ее отца. Они оба помешаны на мумиях, просто два сапога пара. Она часами просиживает у себя наверху, прочитывая от корки до корки каждую новую монографию о Египте.

– Это неправда, – запротестовала Шарлотта. – У меня очень много времени уходит на благотворительную деятельность. Я не могу его тратить на чтение монографий. Мне кажется, давно пора спросить мистера Пирса, почему он пришел с визитом в такое необычное время.

– Он принес медаль… – начала было Кэтрин.

– Я пришел, чтобы повидать вас, миссис Фэрчайлд, – перебил ее Дилан. Час, проведенный в обществе дам семейства Грейнджен, отбил у него всякую охоту обходить острые углы, даже просто соблюдать правила приличия.

Шарлотта широко раскрыла глаза от изумления.

– Я же вам говорила, матушка, – произнесла Кэтрин шепотом. – Медаль – это просто предлог.

Дилан с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться, так его рассмешило выражение лица Шарлотты.

– Наша беседа вчера вечером была слишком краткой, миссис Фэрчайлд. А между тем меня очень заинтересовали ваши замечания относительно неточностей, которые вы заметили в моей лекции.

– Это было невежливо с моей стороны. Мне не следовало делать вам замечания.

– Не обижайтесь, – вмешалась сестра. – Шарлотта исправляла даже бумаги отца.

– Я не обижаюсь. Напротив, мне бы хотелось услышать все ваши замечания. Я высоко ценю вас как эксперта по амулетам и династическим скарабеям, миссис Фэрчайлд.

Откуда-то сверху донесся вопль. Дилан в тревоге посмотрел на потолок.

– У Майкла закончился урок музыки. – Леди Маргарет с гордостью улыбнулась. – Моего сына исключили из школы. Поэтому он проводит каждое утро, упражняясь в игре на французском рожке.

– Кажется, особенного таланта у него нет, – вставила Кэтрин. – Но его учитель музыки утверждает, что энергия, которую он тратит, играя на рожке, поможет ему справляться с его просыпающимися мужскими чувствами. Правда, Майклу всего двенадцать, и ему больше негде их проявлять. – При этих словах она взглянула на мать. – По крайней мере я так думаю, что негде.

Шарлотта снова откинулась на спинку кресла и закрыла лицо руками.

У Дилана было такое чувство, будто он смотрит какую-то абсурдную пьесу, которую разыгрывают перед ним в этой гостиной с панелями красного дерева, заставленной изысканной мебелью, украшенной подушечками с бахромой и восточными ковриками. Главными действующими лицами были респектабельная мать семейства в невозможных шароварах, юная брюнетка с испачканными чернилами пальцами и сероглазая леди, затянутая в черное траурное платье. Он засомневался, в самом ли деле у него была столь уж веская причина нанести визит этому семейству.

Кэтрин чихнула.

– Так. Наверное, твоя кошка опять проскочила в гостиную.

– Возможно, я неудачно выбрал время для визита. – Дилан огляделся вокруг, но не увидел уже знакомой ему уроженки пустыни.

– Молодой человек, вы зарекомендовали себя как уважаемый специалист по археологии Египта, – сказала леди Маргарет. – Это означает, что вам всегда будут рады в доме сэра Реджинальда Грейнджера. Даже если вы не сможете придумать другого повода для визита, беседа об археологии в любой день доставит большое удовольствие Шарлотте. Не верьте моей дочери, когда она уверяет, что потеряла интерес к Египту. Ее книжный шкаф просто ломится от монографий и высушенных останков древних существ.

Кэтрин снова чихнула.

– Одно из них – мумия крысы. Наша служанка упала в обморок, когда она попала ей под руку.

Шарлотта встала.

– Мистер Пирс, мне кажется, вам стоит уйти. – Она сделала жест в сторону прихожей. – Мой брат вот-вот спустится. Если вы останетесь еще на минуту, он вас заставит организовывать экспедицию на индейскую территорию, и вы потеряете два-три часа.

Леди Маргарет тоже поднялась.

– Хорошо, что ты напомнила мне, дорогая. Я тоже не должна пропускать своих утренних занятий с Майклом. – Она протянула Дилану руку. – Поэтому я в таком костюме, мистер Пирс. Мне бы не хотелось, чтобы вы посчитали, что в нашей семье отсутствует чувство социальной разборчивости.

– Не беспокойтесь. – Он склонился над ее рукой, напоминая себе, что Маргарет Грейнджер не только вдова видного ученого, но и дочь графа.

Кэтрин поднялась следом за матерью.

– Я и так надолго оторвалась от своей работы над статьей. Было очень приятно поговорить с вами, мистер Пирс. Приходите еще.

Не успел он глазом моргнуть, как женщины уже скрылись за дверью. В отдалении послышались приглушенные расстоянием крики мальчика. Затем, мгновение спустя, сбоку раздался стук пишущей машинки.

– У вас необыкновенная семья, миссис Фэрчайлд, – произнес он наконец.

– Скажите спасибо, что здесь нет тетушки Хейзл и дядюшки Луи. – По выражению лица Шарлотты он понял, что в этом случае он живым бы отсюда не выбрался.

– Я думаю, можно их приберечь для следующего визита. – Он прокашлялся. – Послушайте, я прошу у вас прощения за то, что пришел в столь ранний час, но дело в том, что весь предстоящий день я буду занят в Коллекции.

– Да, я слышала, что на вас возложили обязанности по размещению экспонатов. Я была удивлена, когда узнала, что Колвилл попросил вас возглавить выставку, посвященную Долине Амона.

– Говоря по правде, я приложил немало усилий, чтобы добиться этого назначения. Это исключительное место, и его давно бы следовало представить на обозрение публики. – «И я бы таким образом получил возможность покаяться в причастности к смерти Йена Фэрчайлда», – добавил про себя Дилан. Прошло почти три года, а он каждый раз испытывает острое чувство вины, когда появляется на раскопках в Долине.

– С этим я согласна. – Шарлотта немного помолчала. – Хотя ваше назначение несколько меня удивляет.

– Удивляет или шокирует? – Дилан был задет ее очевидно невысоким мнением о его способностях.

– Вы, кажется, обладаете определенными способностями. Я не хочу обидеть вас. – Она глубоко вздохнула. – Но Колвилл еще не пришел к определенному решению, кого он собира-

ется назначить директором музея. Если выставка пройдет хорошо, возможно, он предложит эту должность вам.

Дилан рассмеялся:

– Так, значит, вы думаете, что у меня есть скрытые мотивы?

– Меня совсем не интересуют ваши мотивы. Все, о чем я беспокоюсь, так это чтобы на выставке была правдиво отражена роль моего отца. – Она казалась расстроенной. – Со времени гибели Йена раскопки на участке были прекращены; находки, которые мы с таким трудом много лет откапывали, пылятся, запакованные, в Египте.

– Больше не пылятся. Мы уже получили четыре партии багажа из Каира, а остальные прибудут в течение ближайшего месяца.

– Что ж, я рада это слышать. Очень рада. – Ее глаза наполнились слезами. – Прошлое принадлежит нам в такой же степени, что и будущее. Его нельзя оставлять под спудом. Я только хочу, чтобы... – Ее голос сорвался.

– Чтобы археологи снова начали раскопки в Долине Амона? – докончил он за нее. Дилан был тронут таким неожиданным проявлением эмоций.

Шарлотта кивнула.

– Возможно, в один прекрасный день они возобновятся. – Он шагнул к ней ближе. Еще дюйм, и он смог бы дотронуться рукой до завитков волос на шее. Если бы только посмел.

– Может быть, этим займетесь вы? – тихо спросила она.

– И вы не будете возражать?

– Честно говоря, не знаю. – На лице ее промелькнула улыбка.

Ему нравилось, как она улыбается. Это было похоже на восход солнца в пустыне.

– Я уже не пользуюсь такой дурной репутацией, как раньше. Никаких восхождений на вершину Великой пирамиды, никакого динамита. Я стал таким же респектабельным, как архиепископ Кентерберийский. – Он не смог удержаться и нежно поправил выбившуюся серебристую прядь ее волос.

Шарлотта отпрянула назад.

– Вы действительно приехали сюда, чтобы побеседовать о скарабеях?

– Конечно. – На самом деле еще пять минут назад ему это и в голову не приходило, но теперь это был отличный повод приходить без приглашения. – Доктор Роджерс, специалист Коллекции по скарабеям, решил принять предложение, которое ему сделали из Берлинского музея. Он поставил нас в довольно затруднительное положение.

– Да, я слышала об этом. – Она подошла к буфету и позвонила в один из медных колокольчиков, которые стояли в ряд на полированной поверхности.

В дверях появилась веснушчатая горничная.

– Дождь почти перестал, Лори. Принеси мою шляпку и поводок. – Она повернулась к Дилану: – Я думаю, мы можем немного пройтись по скверу. Свежий воздух вернет вам душевное равновесие. Полчаса в обществе моей семейки достаточно, чтобы почувствовать себя как после бури у мыса Горн.

Он оглядел гостиную.

– Разве у вас есть собака?

– О нет. С тех пор как терьер съел прирученную мышку Майкла, он и близко к дому не подпускает собак. Правда, не желает заводить и новых мышей.

– Тогда зачем вам поводок?

– Для кошки, конечно. Я никуда не выхожу без Нефер. Она ужасно расстроится, если ее оставят дома одну.

Несколько диссонирующих нот, донесшихся от стоявшего в гостиной фортепьяно, прервали их разговор. Оглянувшись, Дилан успел заметить кошку, которая прыгнула на клавиши.

Громко мурлыкая, Нефер дошла до конца клавиатуры, перескочила на спинку дивана, а потом перепрыгнула к Дилану на плечо.

От неожиданности он покачнулся.

– А этот котик разве не мог съесть мышку вашего брата?

– Конечно, нет! – Она посмотрела на него с таким выражением, как будто он заподозрил Нефер в людоедстве.

Кошка повернула голову в одну сторону, потом в другую и наконец в упор уставилась на Дилана.

– Ради всего святого, миссис Фэрчайлд, мне, кажется, действительно пора немножко проветриться.

Глава 5

Английская леди и африканская кошка представляли собой весьма колоритную пару.

Дилан время от времени украдкой посматривал на обеих своих спутниц. Ни кошка, ни ее хозяйка, казалось, не замечали моросящего дождя. В самом начале прогулки Шарлотта произнесла несколько ничего не значащих слов по поводу холодного июля и теперь хранила молчание, разглядывая кусты гортензии, мимо которых они проходили. О его присутствии она как будто забыла.

– Я вижу, вы совсем не боитесь дождя, – сказал наконец Дилан, смахивая со щек дождевые капли. – Жаль, что никто из нас не догадался захватить зонтик.

– Я боюсь совсем не дождя. А вот этого. – Она указала на ровный ряд аккуратно оштукатуренных домиков.

– Простите? – Дилан был озадачен, его взгляд скользнул вдоль старинных фасадов Белгрейв-сквер.

– Всего сотню лет назад мы были бы здесь в опасности. – Она нахмурилась. – А теперь Белгрейв-сквер стал таким безопасным, таким обычным...

– И это вас огорчает?

– Конечно! Вообразите, какой захватывающей могла бы стать наша прогулка через площадь хотя бы в прошлом столетии. Вокруг петушиные бои, травля быков. Тут и там сражаются до смертельного исхода дуэлянты. Разбойники с большой дороги и карманные воры прячутся в садиках, окружающих рынок. И надо всем этим высится кровавый мост.

Он посмотрел туда, куда она указывала.

– В тысяча семьсот двадцать восьмом году на этом мосту нашли какого-то паренька. Его убили прямо там. У него были отрублены пять пальцев, половины лица вообще не было. И горло тоже было перерезано.

Ему показалось, что она это рассказывает с видимым удовольствием.

– А теперь на Белгрейв-сквер безопасно, как в бакалейной лавке, – продолжала она. – Лондон стал каким-то скучным и банальным.

– Уверяю вас, что и в Лондоне достаточно притонов, в которых какая-нибудь кровожадная англичанка могла бы получить удовольствие...

– Не притворяйтесь, что не поняли меня. У меня нет никакого желания близко знакомиться с вооруженными до зубов бандитами. Просто я бы не возражала, если бы со мной разок-другой случилось что-нибудь непредвиденное.

– А мой утренний визит считается? – Он улыбнулся ей и был вознагражден ответной улыбкой.

– Что-то вроде этого. Большое вам спасибо. Они некоторое время дружелюбно шли рядом.

– Прожив столько лет в Африке, вы, должно быть, хорошо меня понимаете. – Она вздохнула. – Ни тебе песчаных бурь, ни наводнений. И ни одной кобры или скорпиона. Все такое обыкновенное и скучное.

Он посмотрел вниз, на кошку в драгоценном ошейнике, рысью поспешающую за ними. Она казалась воплощением безмятежности.

– Не думаю, что кошка из Египта, которая бегает в ошейнике из настоящих рубинов, – обычное зрелище для Лондона. Я встречал спаниелей, которые гораздо больше вашей кошки возмущались, когда на них надевали ошейник.

Нефер остановилась, дожидаясь, пока с грохотом проедет омнибус.

Шарлотта пожала плечами:

– В Каире я как-то видела пашу, который вел на поводке двух взрослых леопардов.

– Но это Египет. В окрестностях Белгрейв-сквер ваша кошка выглядит так же неуместно, как верблюд или кобра. – Он сделал паузу. – Или вы.

– Надеюсь, вы не хотите сказать, что я похожа на кобру?

– Безусловно, но мне кажется, что вы могли бы принести не меньшее беспокойство.

Он хотел пошутить, но увидел, что улыбка ее поблекла.

– Мне об этом говорили и раньше.

Она ускорила шаг, ее изящные черные туфли громко стучали по мостовой. Он поспешил за ней.

– Почему вам кажется, что я здесь не на месте? – спросила она.

Он сначала хотел было отшутиться, но понял, что она говорит серьезно.

– Знаете, вы мне напомнили финиковую пальму в кадке, которую я много лет тому назад видел в Брайтоне, в оранжереи. На первый взгляд дерево выглядело прекрасно. Оно, казалось, процветает в своем новом доме, защищенное стеклянной крышей. За ним ухаживают, поливают и подкармливают удобрениями. Но когда я подошел поближе, то стало ясно, что кора потрескалась и выглядит нездоровой, листья тонкие и блеклые. Финиковая пальма дюйм за дюймом засыхала, погибала, как человек, который уснул в снегу.

Шарлотта внезапно остановилась.

– Финиковая пальма должна жить в пустыне, миссис Фэрчайлд. – Он слегка коснулся ее плеча. – Уверен, что и вы тоже.

Когда она наконец посмотрела на него, он снова поразился, какие необыкновенные у нее глаза. И какие печальные.

– Да, я скучаю по пустыне. Иногда тоска становится такой невыносимой, что... – Голос ее сорвался, она глубоко вздохнула, прежде чем продолжила: – Я скучаю по Нилу. Темза – просто жалкий грязный ручеек.

– Тогда поезжайте обратно. Каждый месяц контора Кука организует не меньше двенадцати туров по Египту.

– Я не туристка! – произнесла она резко. Он пожал плечами:

– В таком случае напишите в египетское Общество любителей древностей. Попросите генерального директора, чтобы вас приняли на работу в Каирский музей. Там знают, какой у вас богатый опыт, и, я уверен, будут рады принять вашу помощь. Но, пожалуйста, не оставайтесь там, где ваши таланты никому не нужны, где вы не испытываете от жизни никакой радости. Если ваше сердце стремится в Египет, поезжайте туда, дорогая моя. Иначе вы в конце концов засохнете, как та финиковая пальма.

– Я никогда туда не вернусь, мистер Пирс. Эта часть моей жизни завершена. Я благодарна судьбе, что она даровала мне столько счастливых лет в Египте.

Говоря это, Шарлотта выглядела такой несчастной, что казалась ему похожей на воробья, порхающего во влажных ветвях над их головами. Она и в самом деле была здесь не на месте – с ее пронзительными глазами, самоуверенной походкой, не боящейся опасности и тайн.

Подобно ему, она, должно быть, всегда чувствовала себя лишней в стране, где родилась. Потому что Уэльс тоже никогда не трогал его сердца. Его всегда страстно влекла к себе Африка.

– Этап вашей жизни, связанный с Египтом, быть может, и завершен, миссис Фэрчайлд, но жизнь еще не закончилась. Вы слишком молоды, чтобы окончательно рвать связи с миром. Кроме того, ваш муж вряд ли одобрил бы, что вы убиваетесь по нему так долго. Не одобрил бы, если бы заботился о вас и желал вам счастья.

Казалось, ей не понравилось направление, которое принял их разговор.

– Я даже не понимаю, зачем мы разговариваем с вами об этих вещах. Я думала, вы хотите задать мне какие-то вопросы о скарабеях, которые будут экспонироваться на выставке.

– Ах да, выставка. Должен сказать, что Каирский музей поступил очень великодушно. Египетская администрация оставила за собой совсем немного экспонатов из Долины Амона,

поэтому большинство находок, сделанных вами и вашим отцом, будут представлены на выставке. Надеюсь, она откроется в октябре.

– Жаль, что придется ждать так долго.

Они снова пошли по дорожке. Нефер семенила впереди, натягивая поводок.

– Это будет дурной тон, если выставку смонтируют слишком быстро.

Она смахнула каплю дождя, упавшую ей на нос.

– Вы, должно быть, неправильно меня поняли. Публика уверена, что это место проклято. Сначала умер отец, потом Йен. И этот печальный случай, который произошел с нашим первым прорабом.

Он кивнул:

– Да, с тех пор Колвиллы стали суеверны, как цыгане. Уверен, что слухи о древнем проклятии очень мешают нормальной работе. Я слышал, что устроить выставку экспонатов из Долины Амона их уговорил астролог. И он же порекомендовал нанять меня в качестве куриатора. – Дилан рассмеялся. – Козерог в созвездии Овна, при растущей луне, или что-то вроде этого. Колвиллы обожают все это, что бы это ни значило.

– В самом деле, их уговорил семейный хиромант.

– Правда? Откуда вы это знаете? Шарлотта улыбнулась:

– Тетушка Хейзл умеет гадать по руке, а иногда даже составляет гороскопы. Она очень популярна в высшем свете.

– Мне следовало бы это знать. А дядюшка Луи тоже приложил к этому руку?

– Нет, но уверена, что он еще этим займется. Дядюшка Луи никогда не допустит, чтобы его оставили в стороне от такого важного события. – Шарлотта потянула носом воздух, когда они проходили мимо роскошного розового куста. – Я так рада, что вас назначили курировать выставку.

– Я думал, вы по-прежнему считаете меня расхитителем гробниц.

– Да, раньше я так и думала. Но сведения, которые я получала последнее время из Египта, указывают на то, что вы переменились. – Она внимательно посмотрела на него. – Ведь это на самом деле так? Или вы все еще целыми днями кутите и напиваетесь до умопомрачения?

– Я никогда не отвечаю на подобные вопросы, даже если слышу их от моей матушки.

– Я имею право знать, насколько вы подходите на эту должность.

– Если я не ошибаюсь, вас нет в списке жертвователей Коллекции Колвилла.

– Да, но я несу ответственность за материалы Коллекции. Вы – специалист, которому поручено подготовить экспозицию. Мы много лет работали не покладая рук, раскапывая эти сокровища. И если ваше пьянство будет угрожать успеху выставки, тогда…

– Миссис Фэрчайлд, все эти годы я напивался очень умеренно. – Он насмешливо поднял брови. – Чего нельзя сказать о вас.

Шарлотта от удивления раскрыла рот.

– Простите?

– В своей жизни я совершил немало сумасбродств, – продолжал он, – но скакать в одиночку по пустыне на двугорбой кляче в самый солнцепек, при этом напившись как сапожник, – даже мне это не под силу.

– Я не напивалась, – произнесла она натянуто.

– Вы просто ничего не помните, моя дорогая. Если бы меня не оказалось рядом, чтобы дотащить вас до Долины, сейчас ваши побелевшие косточки растащили бы по пустыне дикие звери.

– Просто не могу поверить, что лекцию о трезвом образе жизни мне читает юбочник и пьяница.

– Еще одно подобное выражение нежности, и я могу обидеться.

– Не понимаю, чему тут обижаться. В Египте вы разорили десятки раскопок, соблазнили сотню женщин. Император Нерон, пожалуй, был меньшим развратником.

Дилан рассмеялся:

– Если бы хоть половина этих историй была правдой...

– Но вы же не будете отрицать, что именно вы совершили нечто аморальное с женщиной на вершине Великой пирамиды?

– Она по крайней мере была трезвой. – Он понизил голос до шепота: – Надеюсь, теперь вы напиваетесь, предварительно тщательно заперев двери, Шарлотта. Англичане невысокого мнения о вдовах, балующихся виски.

– Довольно! – Она явно сдерживалась, чтобы не рассмеяться. – И я что-то не помню, чтобы разрешала называть меня по имени.

– Да, такого позволения вы не давали, но у нас, юбочников и пьяниц, такие манеры.

Она разразилась хохотом.

– Ну, теперь мы квиты и, думаю, можем доверять друг другу.

– Вы в самом деле мне доверяете? – Он был изумлен тем, насколько, оказывается, хотел завоевать ее доверие.

Шарлотта долго на него смотрела, ничего не отвечая.

– Да.

Но видимо, она была не настолько уверена в себе, чтобы выдержать его взгляд дольше. Интересно, почувствовала ли она его жадный интерес к ней? Она казалась прямой и резкой, но при этом все время ставила его в тупик. Разговаривая с Шарлоттой Фэрчайлд, он каждый раз будто пробирался по неисследованной местности; она таила в себе опасности и неизмеримые возможности. Как жаль, что сейчас она совершенно трезвая! Тогда у него был бы шанс снова затащить ее на верблюда или в поджидающую за углом карету.

Неожиданно прогремел гром, поднялся ветер, кустарники вдоль аллеи зашелестели.

Дилан поднял воротник.

– Не хотите ли вернуться домой? Ведь у нас нет зонта...

– Я никогда не пользуюсь зонтом. – Она подняла лицо к небу. – Люблю грозу. Во время грозы становится темно и загадочно.

Шипящий сполох осветил зловещее утреннее небо.

– А молнии? Надеюсь, к молниям это не относится? Шарлотта прикрыла глаза, видимо, наслаждаясь разлитой в воздухе опасностью.

– О, конечно, молнии – это тоже прекрасно.

– Ну а какого вы мнения насчет жареных египетских кошек?

Нефер пыталась отряхнуть свою мокрую шкурку и скорбно мяукала.

– О, я совсем забыла о Нефер. Мне совсем не хочется, чтобы ее убило молнией.

Из черных низких туч потоками хлынул дождь. Шарлотта указала на широкий козырек над крыльцом ближайшего дома.

Пирс подхватил кошку и схватил Шарлотту за руку.

– Бежим! – крикнул он.

Как только они укрылись под сенью козырька, Шарлотта прокомментировала:

– Совсем как во время разлива Нила.

– Нам, кажется, самой судьбой предопределено встречаться в исключительных обстоятельствах. Два года назад мы стояли по колено в песке. Теперь мы едва не утонули посредине Белгрейв-сквер. Не удивлюсь, если в следующую нашу встречу мы окончательно разгневаем инфернальные силы.

Она сильно сжала пальцы, так что они хрустнули.

– Я называла вас тогда Дилли, не так ли? – Что?

— Кое-какие детали, упомянутые вами только что, напомнили мне наш разговор в пустыне. Правда, до сих пор не могу вспомнить большую часть нашей беседы...

— Это меня не удивляет.

Она не обратила внимания на его слова.

— Я тогда называла вас Дилли и мистер Лев. Почему я это делала?

Снова сверкнула молния, осветив всю площадь. Нефер выгнула спину, шерсть у нее поднялась дыбом от страха.

— Джентльмен вряд ли бы об этом напомнил.

— Да, правда. Зато я это сделаю. Помнится, вы так назвали меня три или четыре раза.

Ее лицо выразило напряжение мысли.

— Я совершенно точно помню, что сэр Томас Хэйверс говорил, что Львом вас назвали египтяне.

— Он мог бы назвать еще несколько прозвищ, которыми сам меня наградил. Он так и не простил мне, что я первым обнаружил гробницу фараона Джосера.

— Но почему все-таки вас называли Львом?

— Вы не должны выпытывать у меня некоторые секреты, Шарлотта.

Она кивнула, как будто решила сдать некоторые позиции.

— Я не возражаю, чтобы вы называли меня Шарлоттой. Между коллегами не должно быть лишних церемоний. Коль скоро мы будем работать вместе, лучше избегать формальностей.

— Работать вместе?

Она не ответила на его вопрос. Ее внимание привлекла промокшая фигура, которая торопливо пересекала площадь.

— Я не могу в это поверить... Этого не может быть! Шарлотта вышла из-под навеса.

— Ахмед, неужели это ты? Что ты делаешь в Лондоне? Мужчина, вздрогнув, завертел головой.

— Так вот вы где! Ну и доставили же вы мне хлопот, миссис Фэрчайлд. Я спешу к вашей матушке, чтобы предостеречь вас от большой беды, пока еще не поздно.

— Но почему вы здесь?

Вместо ответа он ткнул пальцем в кошку, которая терлась о мокрую юбку Шарлотты.

— Значит, это правда. Вы забрали кошку с собой. — Он закрыл глаза. — И проклятие тоже.

Шарлотта не смогла сдержать улыбки. Спустя два с половиной года упрямый прораб по-прежнему распространял вокруг себя уныние и обреченность, совсем как ветхозаветный пророк. Он был одет в европейское платье, но его усы топорчились и манеры остались прежними. Впрочем, его фамильярность была Шарлотте даже симпатична, потому что была связана с самыми счастливыми годами ее жизни. Ахмед снова вернулся в Египет.

— Ну что ты, Ахмед! Ты же образованный человек. Здесь не существует таких вещей, как проклятия.

Пирс тоже вышел из-под навеса и встал с ней рядом.

— Я бы так не говорил. Он когда-нибудь пробовал английскую кухню?

— Тише, — сказала Шарлотта, подавляя смешок.

— Значит, вы считаете, что проклятие — это просто шутка? — Ахмед осуждающе покачал головой. — Если бы это у меня погибли отец и муж, я бы до конца жизни перестал смеяться.

Настроение Шарлотты сразу же переменилось.

— Зачем вы искали меня?

— Я выехал в Англию тотчас же, как только узнал эти ужасающие новости. Сколько вас, англичан, ни предупреждай, вы все равно все делаете по-своему. И каждый раз призываете несчастье на нашу голову.

— Кто этот человек? — Пирс шагнул вперед, загораживая ее от Ахмеда. Но Шарлотта оттолкнула его в сторону. Ей не нужна защита, особенно от их бывшего прораба.

— Дилан, это Ахмед Вартан. Он был нашим мастером-прорабом в Долине Амона. Ахмед, это...

— Я знаю. Это Пирс. Еще один европеец, который хочет разграбить и осквернить Долину Амона.

— Мне очень жаль, но вынужден разочаровать вас, — сказал Дилан. — Я никогда не работал в Долине. Меня наняли только для того, чтобы разобрать материалы, которые были там обнаружены.

— Да. Вы выставите мертвых и все их погребальные принадлежности для обозрения неверующих, чтобы они глазели на то, что должно быть скрыто от людских глаз. Или вы думаете, что можно безнаказанно выставлять наши секреты перед любопытной британской публикой? Несчастья, которые уже произошли в Долине, доказывают, что наши мертвые хотят, чтобы их оставили в покое. — Ахмед махнул рукой.

— Ахмед, долго ли вы еще будете в Лондоне? Гордый турок ничего не ответил, но его темные глаза под широкими бровями выражали неодобрение.

— Если вы не желаете быть вежливым, мистер Вартан, тогда предлагаю вам избавить нас от вашего общества, — услышала Шарлотта голос Дилана, в котором на сей раз звучали стальные нотки.

Ахмед выглянулся из-под своего зонта. В этот момент над их головами раздался гром.

— На вас лежит проклятие, миссис Фэрчайлд. Вы прокляты, как ваш отец и как ваш муж. Шарлотта почувствовала, как ее сердце бешено заколотилось.

— Мой отец умер от лихорадки. Вы это знаете не хуже меня.

— Он был проклят и наказан лихорадкой, потому что он посягнул на то, что не принадлежало ни ему, ни любому другому европейцу. Теперь я это знаю точно. Никто из нас не осмелится больше ступить в Долину Амона.

— Достаточно, Вартан, — сказал Пирс.

— Она знает, что это правда! — Турук ткнул пальцем в Шарлотту. — Она была там, когда ее муж был засыпан в гробнице. Она знает, что богиня Бастет послала своего вестника предупредить ее и мистера Фэрчайлда, чтобы они убрались оттуда. Я предупреждаю вас, что если вы не откажетесь от затеи с выставкой, эту женщину не спасет даже ее египетская кошка, которую она ни на минуту не отпускает от себя.

Как будто понимая, что речь идет о ней, Нефер зашипела и выгнула спину.

— Пожалуйста, уходите, Ахмед, — сказала Шарлотта. — Вы только расстраиваете Нефер. Она может напасть на вас в любой момент.

Ахмед отступил назад. Его глаза расширились от страха, когда он увидел, что кошка оскалила зубы.

— Я предупредил вас. Это все, что я мог сделать для вас, миссис Фэрчайлд. Я только хочу предостеречь вас от опасности. Больше я ничего не могу сделать.

Он резко повернулся и поспешил прочь.

— И этот мошенник работал у вас мастером-прорабом? — Пирс увел Шарлотту под крышу, хотя они настолько промокли, что в этом уже не было смысла. — Я бы отдал его на растерзание шакалам.

— Ахмед был отличным мастером, по крайней мере пока мы раскапывали стелы и папирусные свитки. Я не замечала за ним никакого суеверия до тех пор, пока мы не обнаружили гробницу, которую охраняла богиня Бастет.

— Ну-ну, не стоит так расстраиваться из-за того, что он тут наговорил.

— Я привыкла к его ворчанию за годы совместной работы. Но каждый раз мне очень больно, когда я вспоминаю о смерти отца и Йена.

Внезапно Шарлотта почувствовала сильный страх. Но она не должна поддаваться ему, как это произошло с Ахмедом. Она не хочет больше бояться: не хочет бояться говорить о

Египте, о прошлом, о своем прошлом и о прошлом фараонов. Она не хочет больше бояться жизни. Даже если где-то в глубине ее души и таится страх.

– Я рада, что вы пришли к нам сегодня с визитом, Дилан.

Он с удивлением посмотрел на нее. Ему было странно слышать, что она с такой легкостью назвала его по имени.

– И я решила согласиться быть вашим консультантом по амулетам и скарабеям. В самом деле, я готова работать в Коллекции шесть дней в неделю, до тех пор пока выставка не открывается.

– Простите, – Дилан потряс головой, словно отгоняя наваждение, – я не совсем вас понимаю.

Может быть, это гром на нее так подействовал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.